

Николай Климонтович

ПРОТИВ ЧАСОВОЙⁱ

СВЯТОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Москва
Издательство «БПП»
2010

Оглавление

Глава 1. УКАЗ	3
Глава 2. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ	6
Глава 3. НАТАША	9
Глава 4. ПРЕДСКАЗАНИЕ	14
Глава 5. ВИТЬКА	18
Глава 6. ВТОРОЙ МУЖЧИНА	24
Глава 7. ЖЕНИХ	30
Глава 8. ПЕРВЫЙ МУЖ	35
Глава 9. ВТОРОЙ МУЖ	41
Глава 10. ЗАМУЖЕМ	48
Глава 11. ОПЯТЬ ПЕРВЫЙ МУЖ	52
Глава 12. ОПЯТЬ ВТОРОЙ МУЖ	57
Глава 13. НЕУЖЕЛИ ЕХАТЬ	63
Глава 14. ПОЛЕТЕЛИ	69
Глава 15. СОЛВЕЙГ	75
Глава 16. ПРИЗЕМЛИЛИСЬ	80
Глава 17. НЕУЖЕЛИ МЕКСИКА	83
Глава 18. ОПЯТЬ ПЕРВЫЙ МУЖ	88
Глава 19. ОПЯТЬ СОЛВЕЙГ	91
Глава 20. ОПЯТЬ В ХРАМЕ	94
Глава 21. ВИКТОР И СОЛВЕЙГ	98
Глава 22. НЕУЖЕЛИ ОСТРОВ	102
Глава 23. И ОТЕЛЬ	109
Глава 24. ВИКТОР	112
Глава 26. С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ	120
Глава 27. ПОЕХАЛИ	123
Глава 28. НЕУЖЕЛИ САМА	128
Глава 29. ДРУГОЙ ВИД ТРАНСПОРТА	131
Глава 29. НЕУЖЕЛИ ПЕШОЧКОМ	134
Глава 31. НЕУЖЕЛИ МУЖ	137
Глава 32. ВТОРАЯ ЖЕНА	140
Эпилог	143

Глава 1. УКАЗ

Кандидат исторических наук, доцент Педагогического университета Наталья Ардальоновна Б. — ее полное имя позже вы, конечно, узнаете — была женщина бойкая, сметливая, удачливая. В прошлой, советской еще, жизни — ретивая комсомолка; потом партийка — вступила в аспирантуре, иначе было не защититься; нынче — демократка со стажем, в августе девяносто первого стояла в живом кольце, таскала из дома термосы и бутерброды — для танкистов. И это несмотря на то, что ее муж, тогда еще подполковник, все трое судьбоносных суток пребывал в растерянности, ходил на работу, но скоро возвращался подавленным. Ничего не предпринимал, сидел перед телевизором, ожидая будущего. И только иногда говорил жене тихим голосом: подумай о девочках, — у них было две дочери, старшая только перешла в шестой класс, младшая, отцовская любимица, должна была идти в первый.

Но не тут-то было.

— Не знаю, как ты, — говорила в те дни Наташа дерзко, будто с горы покатишься, — но лично я хочу, чтобы мои дочери выросли свободными людьми.

Подполковник, человек домашний, тихий, рыбак, он и в строительные войска-то попал с гражданки, думал: вот те на, во куда тебя понесло... Он — интеллигентный офицер, если в наши дни можно так выразиться. В подпитии мог, конечно, стукнуть кулаком по столу, но тронуть пальцем жену или детей — ни-ни, иногда

только младшей отвешивал шуточный подзатыльник, любя, — перед ее рождением мечтал о мальчике. И теперь, когда в стране все окончательно свихнулось с осей, подполковник помалкивал от греха, пораженный невиданной храбростью супруги. А еще больше тем, что эта самая нежданная свобода будто грозила его семью разъединить: никогда прежде Наташа не употребляла такие словесные конструкции, мол, не знаю, как ты, а вот я или мои дочери... Будто теперь, в дни побеждающей демократии или как там это у них называется, он уже — не муж и отец, а так, неясная и досадная фигура второго плана и неопределенного рода.

Но знал бы подполковник, что в душе — в душе Наташа всегда оставалась робкой, как восьмиклассница. И нежданная ее отвага шла всего лишь от этой вот затаенной робости. И на ученом совете она всегда уступала, подчас вспыхивая, как девушка, когда кто-нибудь из старших по должности обрывал, говорила себе — ничего, ничего, интеллигентному человеку не к лицу склочничать, — считала себя интеллигентным человеком, и в нынешнем смысле этого понятия таковой на самом деле и была. И на защитах голосовала, как надо было заведующему кафедрой. И даже в очередях больше помалкивала — при перестройке очереди стали даже длиннее, чем в годы застоя, но как-то не столь унижительны и обидны. Так что характер у Наташи был скорее ну, не покорный, а скажем так — покладистый. Это со студентами иногда хорохорилась: стала большой фрондеркой за годы новой свободы. Ну и командовала в семье, конечно: на что откладывать деньги, где и за сколько для дачи купить летний душ, отправлять ли

старшую в лагерь и брать ли младшую с собой на юг; и какую собаку завести — завели легавую суку, подполковник хотел гончака кобеля...

И потому, услышав стороной о готовящемся Указе, Наташа испытала сперва лишь легкий трепет в душе. Но потом, по мере того, как она вдумывалась в судьбоносный для нее смысл этого готовящегося верховного распоряжения, ею понемногу стала овладевать самая настоящая паника.

Да и любая на ее месте, узнав что-нибудь подобное, будь даже не робкого десятка, заволновалась бы. Было отчего. Если, конечно, речь не идет о какой-нибудь старой деве, о совершеннейшем уже синем чулке. Или о правильной даме, всю жизнь прожившей с одним-единственным мужем... Наташа позвонила одной-другой знакомой,— те были в сходном положении,— однако, прямо ничего не спрашивала, таилась, ждала. Но подружки болтали, как ни в чем не бывало — о детях, о мужьях, о новых машинах, хвастались своими поездками и обновками. Наверное, не знают еще, думала Наташа, вешая трубку. Она позвонила даже подружке по университетскому еще общежитию. Но, только услышав осипший и осевший голос давнишней товарки, спохватилась: да что ж она звонит, ведь Женька и замужем ни разу не была. Та к тому же ее не сразу узнала, а когда узнала Наташка, ты, принялась канючить, жаловаться на здоровье, на хандру, на редакционные интриги, и Наташа пожалела, что позвонила, скомкала разговор. Но потом долго испытывала неловкость, корила себя за черствость. Хотя и мелькнула у нее мысль: а ведь Женьке повезло, что всю жизнь — одна, у нее те-

перь нет этой головной боли...

Глава 2. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

О тайно готовящемся наверху Указе она узнала так.

Ее педикюрша Зоя — хоть и запойная, но исполнительная и мастерица, коли бывала трезва — имела еще ряд постоянных клиенток, среди которых были и высокопоставленные жены. В минуты расслабления во время педикюра они откровенничали с Зоей, полагая ту дурой, которая пропустит главное или забудет. Но Зоя, носатая, — из Днепропетровска, — бездетная вдова лет сорока лишь строила из себя дурочку, ластясь к хозяйкам, но сама, как всякая прислуга, жадно мотала на услышанное.

Она отчего-то мало интересовалась почти не ношенными вчерашней моды вещами, которые ей зачастую перепали. Но была развитая, как сама о себе говорила, любила разгадывать кроссворды и делала это даже лучше, чем старый лысый ее сосед, бывший вохровец. Сосед по маленькой трехкомнатной коммунальной квартире, склочный и мелочный, с парализованной женой в дальней крохотной всегда темной комнатке, — впрочем, на время кроссворда в квартире объявлялось перемирие.

Но больше всего Зоя интересовалась — политикой. Она знала чуть не поименно депутатский корпус высшего эшелона — начиная с председателей подкомиссий. Следила за чехардой министров и перемеще-

ниями внутри Администрации. Конечно, не пропускала она мимо ушей и мелочей: где одеваются жены кремлевских деятелей, на каких машинах ездят народные избранники, кто из них зажал государственную квартиру и не желает освободить, даже какие носки и галстуки у того или другого высокого чиновника — подходит ли одно к другому, и в каких зарубежных университетах учатся так называемые вип-дети и где они отдыхают... Впрочем, что означает приставка вип, Зоя плохо понимала, но знала — что-то важное.

Дело шло к Новому году, и Наташа вызвала Зою сделать педикюр. Зоя — так всегда с нею бывало перед загулом и запоем — была празднично возбуждена. Даже пахло от нее по-новогоднему: мандаринами и, отчего-то, миндальным печеньем. Для начала они попили кофе на кухне, а потом устроилась, как всегда, у Наташи в спальней.

Наташа думала о своем — приготовить утку или индейку для новогоднего ужина, остановилась все-таки на утке с яблоками, ведь старшая наверняка куда-нибудь усвищет. Одновременно она слушала Зоину болтовню вполуха — ее волновали заусенцы на безымянном и среднем пальцах правой ноги, и она помнила о них, что не мешало раздумьям об утке. Не говоря уж о том, что Наташа политикой в Зоиной интерпретации не интересовалась вовсе, ее привлекали рассуждения об общем направлении, об угрозе демократии и повторится ли тридцать седьмой год. Но вдруг что-то в клетоте Зоиных слов — та говорила грудным контральто, так и не отделившись от южнорусского произношения, — ее задело. Наташа переспросила.

То, что отбарабанила Зоя, было равно непонятно и невероятно. Наташа даже убрала ногу с табурета — Зоя так и осталась сидеть с пинцетом в одной руке, с ваткой в другой. Наташа быстро встала и поплотнее прикрыла дверь: муж, уже полковник, был дома, хотя по субботам чаще всего отправлялся в гараж, в их мужской клуб, хоть и был мало пьющим, только на рыбалке расслаблялся, но сегодня после обеда шел на хоккей, и в гараж не пошел. И потом шепотом велела Зое все до единого слова повторить — желательно членораздельно: Наташа почему-то занервничала.

Из слов Зои — она тоже перешла на свистящий шепот, и приблизила голову к Наташиному уху — вышло, что в недрах Государственной Думы циркулирует проект некоего Указа. Проект выдвинул не иначе как Маслаковский, который, хоть и считался клоуном, эксцентриком и шестеркой в руках Кремля, возглавлял как-никак вторую по величине, а в последний год чуть не первую по влиянию думскую фракцию. Проект Указа гласил, что в сжатые сроки все жены в стране — будь то разведенные или состоящие в повторном браке — должны будут вернуться к своим первым мужьям. Если те живы, конечно.

— Не может быть! — воскликнула Наташа. — Это шутка!

Она была хоть и доверчивый доцент-историк, но все ж таки довольно благоразумная.

— Да пропасть мне на этом месте, коли вру, — сказала носатая педикюрша Зоя и перекрестилась, хоть была и неверующая, и не крещеная.

— Нет, нет, — сказала Наташа, успокаивая себя, —

это розыгрыш и профанация.

Слово профанация она отчего-то любила, часто употребляла на лекциях.

— Никакая не провокация, — сказала Зоя, даже чуть обидевшись. — От этого Маклаковского и не того можно ждать.

— Вот так все и побежали, — сказала Наташа, водворяя ногу обратно на табуретку, — за первыми мужьями, задрав штаны.

— Задрав юбку, — поправила рассудительная Зоя.

Глава 3. НАТАША

Красивой Наташу было не назвать. Однако была миловидна: нос уточкой, круглые щечки — на левой таилась улыбочивая уютная ямочка, скуластенькая, глаза живые, кукольные губки, густые русые волосы. Когда она волновалась, зрачки глаз у нее как-то необыкновенно подрагивали, придавая ее лицу удивительное, необычное и притягательное, романтическое выражение. А когда ей бывало весело, Наташа смеялась открыто, показывая белые ровные, но мелковатые зубки. Короче, была чертовски мила, как говорят в таких случаях с легкой руки героини Раневской.

У Наташи смолоду — она рано развилась — и до сих пор была ладная крепкая крестьянская фигура. Широкие сильные бедра сто два, талия и сейчас, после двух родов — восемьдесят шесть, ноги коротковаты и толстоваты ляжки; но икры, щиколотки, маленькие ступни — все хорошей формы, недаром мама в Сверд-

ловске, где Наташа выросла, водила с шести лет на фигурное катание. Грудь, правда, плосковата, но хорошей формы, и соски не потрескались, хотя никакого детского питания, сама кормила обеих: вторую так вообще до полутора лет... Наташа и сейчас, в свои сорок четыре, вполне могла бы родить, муж еще пару лет назад заводил об этом разговор. Но она твердо сказала:

— Нет, будет, хватит с меня, этих бы поднять и выучить.

Поднять — это, конечно, сказано было по инерции, всплыло случайно крестьянское, от бабушки Марьи Петровны Стужиной, которая по сути дела Наташу и вырастила: родители все бегали по службам, уставали очень. Поднять — так вопрос не стоял: в их семье по нынешним меркам среднего класса была полная чаша: дача, два авто, собака, отдых у моря отечественного, Средиземного и Красного, египетского. Но Наташа увлекалась своим предметом — историей аграрных отношений в пореформенной России XIX века, подумывала о докторской — материалы были наполовину собраны — и мечтала даже о профессуре. Так что пришла пора и для себя пожить — точнее, для науки. Дождемся уж внуков, сказала она тогда своему полковнику. И тот пожал плечами, вздохнул: не будет у него сына, вот ведь как. Но что поделывать, сам ведь рожать не станешь.

Наташа — по сравнению с одноклассницами и однокурсницами — долго себя соблюдала, как сказала бы незабвенная бабушка Марья Петровна. Та была происхождением из пермской деревни, староверка, иначе — кержачка, как говорили на Урале. Но испорченная, конечно, тем, что еще с тридцатых работала на комсо-

мольских стройках, где подрастеряла многие отчие строгости и запреты. Но крутой старообрядческий нрав сберегла в первозданности. Бабушка говорила: не спеши, дочка, скверны-то этой успеешь еще наглотаться, захлебываться будешь. Над скверной Наташа, конечно, посмеивалась — бабушка сама не понимала, какие неприличные двусмысленные вещи говорит, — но что-то оставалось в ее голове, какая-то глухая заведомая неприязнь ко всему откровенному, плотскому.

Наташа потеряла невинность только в начале третьего курса, в сентябре, на картошке, вполне случайно, просто далеко зашла в танцах, обжиманиях и поцелуях, и деваться было некуда, не кричать же, не звать же на помощь, этого гордость не позволяла.

Этого своего кавалера больше в глаза не видела, в университетском коридоре при встрече отворачивалась и продолжала ощущать себя девственной. К несчастью, этот первый опыт привил ей еще большую неприязнь к плотскому, права была бабушка, и Наташа с головой ушла в занятия. И дружила только с той самой Женькой с журфака, соседкой по общежитию, — та вообще в свои двадцать один была старой девой, как о себе говорила. По прошествии времени, Наташа и самой себе не могла сказать с точностью — было тогда, в казенной комнате на не разобранной сырой кровати, на грубом шерстяном одеяле что-нибудь или ничего так и не было...

Наташа по впитанной с молоком матери, точнее, воспитанной бабушкой Марьей Петровной, дисциплинированности, никогда не знала счастья лени, но всегда старалась соответствовать всему прописанному, уставному, — даже вычитанному однажды в какой-то кни-

женщины гороскопу своего имени. Потому что, она знала, имя у нее счастливое, ласковое, в переводе с латыни — родная. Именины Натальи соответствуют дню уборки овса, и она исправно варила в этот день овсяный кисель. Она знала, что Наталья всегда любит быть на виду, шалунья, и Наташа была такой, всегда во всем первая, заводила. У Натальи буйный ум, склонный к обобщениям и анализу — конечно, как же еще, отсюда любовь к науке, даже к статистике, и к чтению психологических детективов,— Наташа почитывала всякую нынешнюю чушь, лежала на даче в гамаке, когда время было и погода располагала. А так, в дождь,— пасьянсы на веранде.

Наталья обычно замуж выходит рано, и действительно, вышла за своего тогда еще старшего лейтенанта, единственного настоящего мужа, в двадцать четыре — поздно что ли. Обладая характером живым и веселым, охотно принимает гостей в своем доме. Бывали и гости, особенно в аспирантские годы, когда в зоне В московского университета имени Ломоносова в общежитии получила отдельную комнату; но в поздние годы реже, по праздникам, потому как только одна дочь подросла — тут уже вторая. К тому же шумных мужниных и глуповатых товарищей не слишком жаловала — офицерье, хоть и сама была из семьи военного. По гороскопу Наталья знает себе цену и самолюбива — это про нее; чтобы соответствовать этой заповеди старалась обиды долго не забывать, но подчас забывала не забывать, была отходчива. Хотя всякие пустяки, несправедливые и колкие замечания в свой адрес, подолгу ее грызли,— была ранима.

Как у всякой взрослой дамы, у Наташи были, ко-

нечно, свои секреты. Но подчас, в минуты хандры, ей казалось, что секреты эти какие-то хлипкие, мещанские, без романтики. Вот ее подругу Аллу муж всякий год отпускает отдыхать одну — по туру. И прошлым летом на Адриатическом море, в Хорватии, у той был роман сразу с двумя немцами: то есть буквально одновременно, так и отдыхали втроем. У другой подруги был постоянный любовник — известнейший актер, правда, некрасивый, толстый и лысый, но веселый и богатый. И муж знал об этой связи жены, молчал, играл с актером в шахматы, брал у того за проигрыш контрамарки на премьеры и на просмотры в Дом кино. У третьей, хорошо устроенной, муж — пластический хирург, доктор наук, — был как бы еще и второй муж, воздыхатель со студенческих лет, и вся ее женская жизнь была один сладкий головокружительный слалом, пусть подчас и утомительный: один ребенок от одного, другой — от другого. Даже у горбоносой, мужеподобной ее маникюрши Зои — грудь, правда, хорошая, Наташа завидовала, — был какой-то перезрелый студент, который со стипендии приходил с цветками и шампанским, отчего и начинался у той время от времени со студентом загул, уже на Зоины, конечно, деньги... И только у Наташи ничего подобного не было.

Полковник, даром что добр, в отношениях половых был строг и ревнив, от себя не отпускал, отдыхать — только вместе, какой там одной в Хорватию; да Наташа и сама, наверное, на третий день уже потратила бы все деньги на международные звонки: как там девочки. Нет, конечно, за ней ухаживали, но все это была одна платоника. Ну, разве что недавно на кафедре она

отдалась своему аспиранту, московскому грузину из Боржоми, его напору не было никакой возможности противостоять; потом ходила неделю, как в воду опущенная. Аспиранту сказала твердо:

—Запомни, этого не было ни-ког-да!

И к тайному Наташиному разочарованию аспирант оказался способным — всё запомнил. Ну, то есть забыл.

Но, напротив, в минуты подъема и радости собой, Наташа вспоминала свои годы до замужества, так она это называла, и ей становилось весело: нет, ничего в жизни она не упустила, построила дачный дом, вырастила сад, воспитала двух хороших дочерей, ее кандидатскую выпустили отдельной брошюрой. И, как у каждой настоящей женщины, у нее было прошлое. И иногда, вспоминая все это, окидывая мысленным взором свою биографию, она ощущала себя чуть не триумфаторшей, настоящей дамой, прошедшей по жизни четким печатным шагом, как на параде.

А прошлое у Наташи действительно было. Начать с того, что однажды, когда она была еще девушкой, она получила предсказание.

Глава 4. ПРЕДСКАЗАНИЕ

Это случилось, когда она приехала к родителям на каникулы,— бабушки Стужиной уже не было в живых, и в случае чего посоветоваться Наташе стало уж не с кем,— между вторым и третьим курсом.

Наташа, конечно, еще не знала тогда, что это лето — последнее лето и ее юности, и родительского дома —

ранней зимой умрет отец, который всегда так баловал единственную дочь. Именно потому, что это лето оказалось последним, сейчас все и помнилось до каждой милой подробности. До запаха перегретой пыли на их улице Маяковского, до россыпей земляники вокруг столба — двадцать минут на электричке, — отмечающего границу Европы и Азии. До сарафанчиков с фестонами, которые бывали на ней и на Нельке, ее подруге с первого класса, когда они по вечерам отправлялись гулять в сквер у гостиницы Большой Урал — дразнили за эти фестончики друг друга Маша с Уралмаша. До сводящей ноги ледяной воды в Шарташе — несмотря на жару за тридцать, нередкую для Урала; до строчек одного модного тогда в городе поэта из Политехнического

Я сяду в трамвай номер десять,

Доеду на Ленина пять,

даже до горчинки холодного пива «Исетское», которое они пили с ребятами из их школы, теперь тоже студентами, — не поступивших призвали в армию, — в кафе, носившем такое же, что и пиво, имя.

Мальчики, впрочем, теперь держались с ними настороженно, восхищенно, почтительно. Что ж, Нелька была будущая артистка, со второго раза поступила в театральное училище. А Наташа и вовсе обреталась нынче в столице, и, шутка сказать, училась в Московском университете на историческом — туда и поступить-то невозможно... Наташа и Нелька важничали, строили из себя девушек высшего общества, никто и не думал за ними ухаживать, одни умные разговоры, это было и досадно, и смешно, а вот теперь вспоминалась уже как нечто восхитительное, потому, наверное, что никогда-

никогда больше не повторится.

Не повторится и тогдашняя атмосфера отчего дома, тоже торжественная, потому что Наташа, очень повзрослевшая с прошлых каникул, отдалившаяся, вызывала и у родителей чуть ни благоговение. Наташа наслаждалась: она лежала по полчаса в ванне с разведенным в нем шампунем — пены для ванн тогда еще не продавали — и читала Огонек, что выписывал отец; прежде ей этого никогда не позволили бы, отец эти самые свои Огоньки аккуратно складывал стопкой на комод, а теперь, подмокшие, со сморщенными страницами, они вряд ли годились в коллекцию; по ночам она не гасила свет долго за полночь, и была бы жива бабушка Стужина, она б тоже такого не попустила — относилась к электричеству и к счетчику с строгим повседневным вниманием и рачительностью; наконец, никогда прежде мать не кивала бы так согласно и покорно, если б Наташа отодвинула тарелку с недоеденным, а нынче, когда Наташа весело говорила берегу фигуру, мама, торопясь, частила

— Конечно-конечно, доченька...

Не повторится и встреча с их с Нелькой бывшей классной руководительницей, которую они обожали и которая тоже давным-давно умерла. Они любили эту, тогда уже пожилую женщину. И это несмотря на то, что она преподавала постылую неусвояемую физику. Нелька была не в состоянии выучиться даже дробям, а Наташа, из уважения к учительнице, была хорошисткой: и по электричеству, и по механике. Запомнилось, что когда они сидели за чаем с крыжовенным вареньем — предыдущим летом под Свердловском был отчего-то

небывалый урожай крыжовника,— учительница спросила, шутя: что, все уж позабыли? И Наташа храбро сказала, что помнит кое-что даже из оптики: интерференцию и дифракцию.

— И чем они отличаются?

И Наташа бойко ответила, не ошиблась.

А вот теперь она, конечно, уже не помнила ни что такое дифракция, ни что такое интерференция...

В тот день — оставалось всего ничего до отъезда, и Наташе не сиделось, почти уж и не спалось, хотелось скорее вырваться в Москву,— она вызвалась сходить за молоком. И насилу уговорила мать, что ей это только в охотку — за молоком нужно было вставать спозаранку и стоять не меньше часа в пенсионерской очереди, ждать цистерну — в магазинах в те годы было шаром покати. Наташа и от денег отказалась, мол, не надо, мама, какие пустяки.

Их улица Маяковского, начинаясь от центральной Ленина, чуть скривившись, доходила до самой вокзальной площади. Причем Ленин стоял по обоим концам: в Центре большой, белый, у вокзала помельче, бронзовый. И по их району всегда шлялись цыганки. Чтобы достигнуть места, куда привозили молоко, нужно было миновать квартал и перейти на другую сторону улицы. И вот как раз у перехода цыганка Наташу и перехватила. Ох, сколько раз предупреждали Наташу, чтоб никогда не связывалась. Но утро было яркое, свежее, Наташа мыслями была уж в самолете, и на обычное дай, погадаю беззаботно ответила а что, погадай. И даже поставила на землю бидончик, протянула ладонь.

Потом она не раз вспоминала облик той цыганки,

и всякий раз выходило по-иному: то цыганка казалась совсем нестарой, бойкой, а то помнилась уже пожилой, чуть не старухой. На пестряди звенели монисты, и пальцы были в золотых кольцах — видать, не простая была цыганка, уличные, грязные, цыганки, знала Наташа, с выводком замурзанных детей, в золоте по улицам не ходили. И первое, что услышала Наташа в быстрой речи цыганки: ты еще целая. Как она догадалась, ведь Наташа была развитая, с женской фигурой налитая деваха, никто не верил, что у нее еще не было мужчины.

Больше Наташа почти ничего не помнила: разве что поразило ее, что цыганка легко повела рукой, и у нее в пальцах оказалась прядь Наташиных русых волос: будто ножницами чикнула,— ведьма, колдунья, пронеслось у Наташи. И как отдала цыганке все свои деньги она тоже не помнила — и на молоко, и на самолет, и на первые в Москве расходы. Но вот что Наташа запомнила на всю жизнь, так это предсказание и будет у тебя один муж во всю жизнь.

Вот так, один муж, даже обидно стало.

Глава 5. ВИТЬКА

На самом деле, вопреки цыганскому предсказанию, полковник был первым законным Наташиным мужем. Но на самом деле, по большому женскому счету, это был третий муж.

Второй — Наташа об этом слышала, но твердо не знала,— кажется, спился, если судить по слухам, кое-что

случайно от доброхотов доходило. Хотя совсем недавно ей попала на глаза афиша с объявлением о его персональной выставке. Имя и фамилия совпадали, да и род занятий тоже: живопись, графика.

А вот о первом муже Наташе вообще ничего не было известно. Да она, признаться, и не интересовалась. За годы семейных забот и ученых тревог Наташа всю эту полосу былой давней жизни выбросила из памяти, вырезала, как в компьютере, будто удалила навсегда. Во всяком случае, так ей временами казалось — сделалась эгоисткой, все для дома и для карьеры, и чтоб ничего лишнего, мешающего. На самом деле, она все эти воспоминания лишь сбросила в корзину. В корзину памяти.

Потому что хранились в Свердловске, теперь опять Екатеринбурге, в их старой квартире у старенькой мамы, оставшейся теперь совсем одной, письма и фотографии — в запечатанном старом, школьном еще, портфельчике. Но — иногда, всегда не вовремя, всегда некстати, подтолкнет какой-нибудь пустяк, случайное сходство, краем уха ухваченная старая песенка, — и вдруг что-то вспыхнет в голов, и помимо воли раскручивается старая лента, припоминаются подробности. И она, сердясь, обрывала себя. И только теперь, с возрастом, еще до всякого Указа, время от времени Наташа стала позволять себе — вспоминать.

Дело в том, что ее нынешний муж, — и единственный настоящий, как полагала Наташа, раз он отец ее девочек, — об этой, шальной, полосе ее жизни почти ничего не знал. Училась в университете, написала хороший диплом, потом поступила в аспирантуру, очень

много занималась, готовилась к защите, встретила его, они полюбили друг друга — и поженились. Благо у молодого старшего лейтенанта, который учился в военной Академии — перед тем закончил МИИТ по специальности мосты и тоннели — была в столице жилая площадь, комната в малонаселенной коммуналке на Палихе.

Конечно, до него у Наташи был кто-то, все ж таки уже двадцать четыре. Кто это был? Да так, сокурсник. Но он оказался не способным, лентяй, Наташа в нем быстро разочаровалась... Эта немудрящая легенда давно стала полноценной частью жизни, и все реже обсуждалась, поросла мхом, укоренившись, — и теперь была окончательно забыта. Нынче вот у старшей уже романы, Наташа даже ревновала — молодые люди старшей дочери занимали теперь полковника много больше и живее, чем былая Наташина дамская жизнь...

А началось все с Витьки Щипицина.

Отец у того был генералом и начальником Наташиного отца. Служили по железнодорожному ведомству, важному в Свердловске — центральном узле советских стратегических перевозок. И жили обе семьи в одном дворе, офицерском, как его называли в округе, но генеральская квартира была попросторнее, конечно. И ходили Наташа с Витькой в одну и ту же школу, правда, тот учился классом старше.

Витька Щипицын был золотым мальчиком, как его звали в школе. Не в том смысле, что был отличником и претендовал на золотую медаль, а в том, что был невероятным шалопаем, единственным отпрыском генерала, маменькиным любимцем, которая спасала его от отцовского ремня. Пижоном и гулякой с младых ногтей.

К тому ж, Витька был хорош собой, спортивно сложен, с обаятельной улыбкой актера Урбанского — и брюнет, как тот. Все девочки школы и окрестностей были в него влюблены. И Наташа, конечно, тоже.

Подвиги Витьки были упоительны.

С пятнадцати лет он гулял с развеселыми подружками, много старше его. С девочками из кордебалета Свердловского театра Музыкальной комедии. С цыганками из Цыганского поселка, что за Шарташом. Умел даже сказать на цыганском языке нежное мэ тут камам и совсем неприличное ха мэри минча. Оттого попадал в переделки. Однажды, когда провожал цыганскую подружку до дома, был едва не убит ее братом, который метнул в Витьку отточенный топор, пронесшийся у того прямо над головой и глубоко вонзившийся в столб электропередачи.

В другой раз он гулял с одной из своих пассий, известной оторвой, в единственном по тем временам в городе ночном ресторане в аэропорту Кольцово. Пили фирменный коктейль заведения — полстакана портвейна на полстакана водки, внутри плавали две дольки яблока. Девка, конечно, наклюкалась и по выходе на аэропортовской площади облюбовала милицейский автомобиль марки газон, взобралась на крышу и пыталась изобразить форменный стриптиз. Витька с друзьями громко хлопали и пели хором для аккомпанемента популярную тогда песню Опять от меня сбежала последняя электричка. Компания была задержана патрулем, Витька вступил в нелिцеприятную разборку с милиционерами, был арестован, в околоте его отметили. Забирал его папин денщик. Милиционеры были уволены,

сам Витька выдран ремнем.

Был и такой эпизод: в один прекрасный вечер нетрезвый Витька на спор повис на декоративном корне в вестибюле ресторана Кедр — это был спортивный восхитительный подвиг, поскольку корень висел под самым потолком. На сей раз его нашли в отделении лишь на вторые сутки, причем сам начальник поехал к Витькиному папаше с повинной. Начальник был прощен, Витька выдран.

На Наташу, конечно же, Витька не обращал никакого внимания: дурнушка, малолетка, к тому ж — вместе росли. Но однажды завалился-таки к ней, когда родители были на работе, часа два непрерывно ее щупал, много позже Наташа узнала, что в сексологии это называется петтинг, заставлял смотреть на свой член — она видела эту штуку впервые в жизни — и кончил ей на трусы, которые она, хоть и была в ужасе, снимать ни за что не хотела, только кофту и юбочку. А Витька и не настаивал — прокурорский возраст, пятнадцать, а у него уж паспорт... Таков был первый Наташин сексуальный опыт.

Чтобы не потерять сына, как он выражался, сразу после окончания Витькой десятого класса и получения аттестата — тоже не без приключений, конечно, следил за ходом экзаменов все тот же денщик, — генерал Шипицын сдал сына в военное училище в Рязань: учиться уму-разуму и воспитываться на политрука. И в училище Витьку воспитали-таки.

Наташа после Свердловска видела его лишь однажды, мельком, заходил к ней в Москве по старой памяти в общежитие: по окончании своего заведения он

следовал на побывку в родительский дом перед отбытием на постоянное место службы, куда-то под Ашхабад.

Витька разительно изменился. Он стал каким-то серым, с неухоженной огрубевшей кожей, ссутулился, мозолистые руки прятал от неловкости, лейтенантская форма на нем сидела, как на пугале, рукава, казалось, коротки по мослам. Витька очень заматерел и стал обычным некрасивым грубым мужиком, каких на улицах тысячи — и то сказать, генерал Шипицын был отнюдь не голубых кровей. К тому же, с собой он вез еще и толстую неопрятную жену, почему-то хохлушку — откуда хохлушки в Рязани, — и совсем деревенскую.

Но привел Витька к Наташе не только ее.

Был с ними и Валера Адамский, молодой врач-гинеколог, еврей, конечно, гинекология — еврейская специальность. Если можно было составить Витьке в тогдашнем его обличье, лейтенантском, полную противоположность — так это был Валерка. Холеный, наглаватый, сыпавший модными сленговыми словечками, франтоватый и привыкший не церемониться с женщинами. Что ж, он видел их десятками каждый день в своем кресле — изнутри.

Каким образом Витька и Валерий были знакомы, Наташа так и не уяснила — ни тогда, ни после. Кажется, оказались как-то, в одну из Витькиных побывок, случайными соседями по столу в ресторане — что ж, оба тогда были студентами... Витька Шипицын после того визита исчез из ее жизни — скорее всего, навсегда. А вот Валера остался, но о Витьке они никогда не вспоминали.

Глава 6. ВТОРОЙ МУЖЧИНА

Случилось это на последнем курсе университета, — Наташа не была уже наивной третьекурсницей, но и прожженной никак не назвать, была скорее осторожна. Происходило всё так: Валера стал захаживать к ней в студенческое общежитие — своей квартиры, как оказалось, у него не было, оставил кооператив в Чертаново бывшей жене, в компании которой продолжал пьянствовать: бывшая жена, ее любовники и ее подружки, богема, что поделать. Бывшая жена Валерки, перед ним была замужем за скульптором, съехавшим к тому времени в государство Израиль.

Наташе эти визиты поначалу казались странными. Во-первых, Валера был старше ее на целых шесть лет. Но даже не в том дело: ее отец был старше матери на целых восемь, и ничего — счастливо жили. Во-вторых, поскольку Валера уже был взрослый, водил хоровод, если не все в его словах хвастовство, с известными людьми, что ж такого интересного мог он услышать здесь, в комнате студенческого общежития, в компании с писюшками — так он называл малолеток, которые залетали иногда к нему на прием.

Нет, конечно, Наташа не была столь наивна, чтобы не понимать, что три молодых свободных девчонки, которые к тому же смотрят ему в рот, ловят каждое слово и с готовностью смеются после каждой его шутки, — находка для молодого одинокого мужчины. Отличный отдых и возможность покрасоваться и расслабиться.. Но,

все-таки, у него, при его-то профессии, никак не могло быть нехватки по этой части... Все было тем более загадочно, что держался Валерка хоть и непринужденно, но очень сдержанно.

Он приходил всегда с парой бутылок полусладкого советского шампанского,— Наташа тогда еще не знала, что такого напитка не бывает на белом свете, только в СССР — и с коробкой шоколадных конфет. Он развлекал Наташу и ее соседок рассказами из практики — в меру скабрёзными, но подчас действительно уморительными. Скажем, он в красках и в лицах описывал ежегодный плановый повальный осмотр работниц фабрики Дукат.

Соседки таяли в присутствии Валерки, отчаянно завидовали Наташе, утверждая, что ходит он в общежитие исключительно ради нее. Да хватит вам, пристали, говорила Наташа, краснея, причем совершенно искренне: она совсем не так представляла себе механизм ухаживания. Ведь Валерка никуда ее не приглашал, ничего не дарил — даже букетика цветов, никаких намеков на то, что предпочитал ее остальным, не допускал,— держался ровно со всеми.

Одна из Наташиных соседок была удивительно красивая еврейка из Бобруйска по имени Полина: с дивными волосами, белокожая, с черными огромными глазами, очень чувственная, но свято хранившая свою девственность — говорила, для мужа. Самое удивительное, что потом она вышла-таки замуж девушкой, правда через месяц подала на развод, поступила в аспирантуру, вернулась в общежитие и стала отнюдь не такой строгой, какой было в девичестве. А потом вышла

за Бог ведает где ею добытого американца, отечественного, впрочем, происхождения, — и покинула родные палестины. Но материнский завет Полиной был-таки выполнен. И Валера к этой ее слабости по части строгого соблюдения себя относился с полным пониманием, только чуть подтрунивал и говорил, что, как ее увидит, чувствует себя отполированным.

Другая соседка, напротив, была разбитная смазливая толстушка Верка — откуда-то из Средней полосы, из Воронежа, что ли. Верка имела одну особенность — очень быстро пьянела и утром никак не могла вспомнить, спала ли она с кем-нибудь из гостей. Или нет. Как правило, она спала, и выручало ее то обстоятельство, что у нее были большие придатки, и она никогда не беременела. Однажды — по ее просьбе — Валера сделал ей осмотр прямо в общежитской комнате, похвалил за сильную матку, но потом по секрету шепнул Наташе, что, скорее всего, у Верки никогда не будет детей. В чем дело, он не объяснил, но через несколько лет после окончания университета Наташа стороною узнала — связи они не поддерживали, — что Верка умерла от рака...

Наташа была знакома с Валерой уже больше месяца, но так и не понимала — нравится он ей или нет. Но точно знала, что спать с ним не будет. Пока. Но вышло так, что незаметно кончился семестр, и год подошел к концу. Под Новый год общежитие, как правило, пустело. Но Наташа никогда домой зимой не ездила: далеко, дорого, а на носу сессия — она ведь была отличницей и намеревалась поступать в аспирантуру. Но и сидеть с учебниками в новогоднюю ночь тоже было

тоскливо. И тут эта самая Верка позвала Наташу на Новый Год на Никулину Гору — на дачу ее очередного хахаля: важные его папа с мамой куда-то сбрызнули, Валеркино выражение. И нарисовалась перспектива нескольких дней перед сессией вольного загородного житья на свежем воздухе,— это после общежитского-то многолюдья и спертости. К тому ж — с камином.

Но не одной же ехать. И Наташа, после колебаний, пригласила Валерку. Причем втайне страшно боялась, что тот откажется: наверняка у него было много куда более интересных приглашений. Но тот к Наташиной радости тотчас согласился, впрочем — от восторга тоже не прыгал, сказал только идет, покупаю. И ухмыльнулся.

Все и сегодня помнилось до мелочей. Скорые лихорадочные сборы: и где достать шашлык, и сколько брать водки, а сколько шампанского. И пива наутро — отполировать, ведь магазин первого числа наверняка будет закрыт. И как одеваться: ведь к полночи на ней должны быть и платье, и прическа. И взять ли мамины бусы, которые та вручила Наташе торжественно в последнюю их встречу: твое приданое. И не слишком ли эти бусы из огромных отшлифованных, размеров с добрую сливу, кусков желтого янтаря, старомодны...

Запомнилось и как ехали на электричке — машины даже у богатого Веркиного хахаля тогда не было,— потом на автобусе. А первую бутылку шампанского открыли уже на дачном крыльце. Странно, но этого самого Веркиного дружка Наташа совсем не помнила, встретила бы — никогда не узнала бы, помнила только, что это был парень избалованный до капризности и законченный алкаш. Алконавт, по-валеркиному. Впрочем.

Чем-то он был похож на Витьку Щипицына, но тот был не в пример обаятельнее. Быть может, из-за этого сходства Валерка с этим самым хахалем быстро поладили. Ну, пока тот не вырубился.

И саму новогоднюю ночь Наташа, конечно же, помнила долгие годы. И как нарядили ель во дворе — где-то нашлись старые елочные игрушки, завернутые в обрывки газет, и выцветший от времени серпантин. И как на полную катушку врубил радио и водили хоровод вокруг елки. И как пили шампанское, которое охлаждали в сугробах, и как растапливали камин березовыми чурками, и как жарко тот пылал — особенно тепло стало, когда Валерка подвинул ее кресло-качалку (кресло-кончалка, так он именовал этот мебельный предмет) к самому огню. Даже голубую кайму на язычках пламени запомнила Наташа, и запах березового дыма — поленья оказались сыроваты и дымили поначалу. И, наконец, как в самую полночь пили с Валеркой брудершафт, и он поцеловал ее — в первый раз, в щечку при встрече, не считается, — и голова, что называется, закружилась. От шампанского, подумала Наташа. Нет, голова закружилась от умелого и витиеватого Валеркиного поцелуя.

Уже далеко за полночь выяснилось, что, поскольку газовый котел выключен, в других комнатах холод собачий, иней на подоконниках, спать всем придется в гостиной, которую они натопили. Верка, зараза, знала все заранее, если не сама подстроила: Верку злило, что Наташа, в отличие от нее, строит из себя девочку, а ведь добрая была девка, царствие ей небесное, просто обижалась, что Наташа такая гордая...

В гостиной было только две кушетки. И гора пле-

дов. Верка с хозяином легли на одной, она с Валеркой оказалась на другой, иначе не выходило, не сидеть же, в самом деле, всю ночь в кресле — смешно. Но и в этом положении Наташа верила, что ничего такого у них не будет — так, поцелуются еще раз. А если уж ему приспичит — поступит как Витька когда-то, не терпеть же, она ему разрешит.

Скоро Верка принялась громко стонать на своей кушетке, иногда будто похрюкивая; кушетка скрипела и, казалось, тоже постанывала. И Наташа, слушая все это, воображала, что там Веркин хахаль делает в темноте с ее товаркой, сама возбудилась. К тому же Валерка умело ее ласкал. Она и не заметила, как он в нее вошел, — очень нежно, — и на этот раз вовсе не было больно. И Наташа, в конце концов, тоже, как Верка, вскрикнула от удовольствия, будто Валерка нашел в ней какое-то тайное место или нажал на что-то...

Она гладила Валеркин затылок. Пахло смолой, и блики от догорающего огня в камине ползали на потолке. И была тоска по дому, не по родительскому, туда уж не было возврата — по своему собственному...

Потом вчетвером, полуголые, пили, завернувшись в пледы, холодное шампанское. Сладкие — полусладкие — струйки стекали у Наташи по подбородку, по шее, намочили комбинацию, а тут и слезы потекли по щекам — от счастья, что ей оказалось так хорошо и стало так легко: собственно, в ту ночь она и сделалась по-настоящему женщиной.

И начался этот ее сумасшедший роман, закончившийся таким же безумным авантурным браком.

Глава 7. ЖЕНИХ

Они стали жить разбросано, богемно, пьяно, упиваясь друг другом, едва успевая каждый по своим обязанностям — она на семинары к шефу в университет, он — на приемы в свою поликлинику, ведомственную. Ночевал Валерка у нее в общежитии, хоть это было, конечно, не положено, — Полина как раз тогда выскочила замуж, а Верку они не стеснялись. Возникали подчас конфликты с вахтерами, но Валерка как-то ловко умел все улаживать.

Но ночевали они там отнюдь не всегда, то есть не укладывались с вечера. А куролесили: ехали сначала в ресторан «Дружба», танцевали под дурацкий кабацкий ВИА, которому Валерка неизменно заказывал семь-сорок, и Наташа отплясывала, как заправский еврей — еврейкам ведь плясать не положено. Потом, после закрытия этого кабака, катили на такси во Внуково в ночной ресторан, пили коньяк, который подавали в кофейниках: то были недолгие времена очередного приступа властей по борьбе с пьянством и алкоголизмом. И возвращались под утро, пьяные, счастливые, море по колено, когда общежитие давно спало. И вахтер, матюгаясь, отворял им дверь.

Наташа полюбила эти странные бесшабашные ночи. Ее, правда, мучило чувство вины перед памятью бабушки; и она подчас украдкой крестилась — не щепотью, а двуперстно, по раскольничьи, как бабка учила; но это, конечно, с пьяного угара — Наташа не верила в Бо-

га, не была религиозна и в церковь не ходила. Да она и не знала — в какую ходить.

Иногда, конечно, подкатывал другой страх. Подчас, в какую-то жуткую минуту страх это превращался в липкий душный ужас, и Наташе казалось, что все потеряно. Она ведь совсем не занимается, диплом стоит, шеф смотрит эдак иронически, если не защитится на отлично — прощай аспирантура, все насмарку, и что она скажет маме, которая так ею гордится и так в нее верит...

Но Валерка сыпал деньгами, смешил до коликов, упивал шампанским, Наташа отмахивалась от печального, принималась слушать самолеты. Она запоминала объявления и имена далеких городов, а однажды вдруг предложила, после того Валерка напоил ее теплым полусладким шампанским — из губ в губы, — добавив в него чуть коньяка — бурый медведь: давай улетим.

Это вырвалось у Наташи случайно, невольно, за минуту перед тем она думать ни о чем подобном не думала. Но Валерка пришел в восторг. И они принялись, перебивая друг друга, судорожно строить план побега.

Наташа рассказала, что в далеком Душанбе у нее есть школьная подруга Неля, актриса тамошней русской драмы — закончила в Свердловске театральное училище, зовет ее в гости в каждом письме. И что ее любовник — главный режиссер русской драмы. И что их хорошо примут. Валерка захопал в ладоши, затараторил арык, алыча, Ходжа Насреддин, а потом изобразил какую-то музыку на губах, подражая зурне, что ли. Или как

там называется таджикский национальный инструмент. Ну, их таджикская балалайка.

Решили лететь на ноябрьские. Купили в подарок сумку виски — тогда этот напиток продавался в одном единственном магазине в Москве, в венгерском Балатоне, видно замастыривали его предприимчивые мадьяры. Пойло называлось отчего-то Клуб-99. Улетали в пронизывающую до нутра метель — из Домодедова. В полете пили виски из пластмассовых аэрофлотовских стаканчиков, и пластмасса, кажется, растворялась, как от ацетона: в голубых стаканчиках на две оставались рыжие проплешины. И совсем пьяненькими — хоть и поспали немного, откинув кресла и взявшись за руки — попали в теплое и ласковое азиатское бабье лето. С нежным солнцем, с дивной синевы небом, со снежными горными памирскими вершинами на горизонте, — и в Нелькины объятья.

Маленькая и живая, быстроглазая — она была травести — Неля устроила их в своей квартирке, — сама жила у своего режиссера по фамилии, насколько Наташа помнила, Ташмухамедов, хоть и руководил он театром русским. Но — номенклатура, любое первое лицо должно было быть по тогдашним правилам из титульной нации, а директор театра — тот уж был русский. Еврей.

Днями они шлялись по ресторанам, где официанты обмывали жирные фужеры для очередных гостей в холодных струях фонтана. На улицах в те дни готовились к празднику Октября, из шланга мыли огромную, запылившуюся за долгое жаркое лето, каменную статую Ленина на главной площади. Развешивали кумачовые

флаги; повсюду жарили шашлыки и делали плов в громадных казанах, и терпкий запах баранины с пряностями, перемешанный с дымком от мангалов, окутывал центральные улицы. Они бродили по рынкам, любуясь пирамидами дынь и грудами винограда, сидели в чайханах, запивали теплую водку зеленым горячим чаем, и были совершенно счастливы, если такое возможно. И волнения Наташи остались где-то далеко-далеко, там, в холодной России.

Здесь, в Таджикистане, у подножия гор у Наташи случилось еще одно открытие. Они с Валерой спали на широком балконе, хоть ночами и спускалась прохлада; в предутренней мгле выли выходившие к последним городским домам голодные шакалы; было жутковато; и Наташа научилась кончать не один раз, как тогда, на зимней даче, а раз за разом, все более бурно, доходя почти до неистовства — так, что сама себя пугалась, но и наслаждаясь, чуть не теряя сознание. А потом ее грыз стыд, и терзали сомнения, которых она тоже стыдилась: уж не ставит ли ее гинеколог над ней какие-нибудь опыты...

Вернувшись в Москву, они и вовсе не расставались. Постепенно Наташа перезнакомилась с друзьями Валерки, и много раз слышала и от его сокурсников, и от коллег, что тот — врач от Бога. Однако сам Валерка относился к своей профессии как бы несколько иронически, довольно грубо описывал свою практику. Потом Наташа много раз сталкивалась с тем, что мужчины определенного типа, что-то действительно умея делать, будто тяготятся своим профессионализмом, даже стесняются, не любят, когда их хвалят в глаза, даже сердят-

ся, а глядят подчас в сторону занятий, к которым у них нет никаких способностей. Так и Валерка: оказалось, что он — пишет стихи.

Было понятно, отчего он до времени это свое хобби от нее скрывал: стихи у него выходили до обидного бездарные — так Наташе казалось, хоть она и не критик, но слух у нее хороший, много знала с юности наизусть,— и ей подчас за него бывало стыдно. До краски на лице, до того, что у Наташи горели уши... Обнаружилась эта его склонность к версификаторству не вдруг. Сначала Наташа стала замечать, что Валерка тяготеет разговорами на профессиональные темы, неминуемо возникающими в компании подвыпивших врачей. Он становился неприятно циничен — разговоры медиков всегда циничны, что, по-видимому, ограждает их от их же повседневного опыта, от того, чтобы брать близко к сердцу те глупости и страдания человеческие, которые им выпадает наблюдать всякий день. Но Валерка бывал циничен каким-то особым образом — по отношению именно к профессии врача, то есть переступал какую-то одним медикам явную границу и клятву.

Тем удивительнее было видеть, что он становился совсем другим, едва оказывался в компании богемных, творческих людей. Здесь он не хорохорился, не бравировал, а бывал смиренен, подчас едва ли не подобострастен. И Наташа со стыдом за него стала как-то свидетельницей того, как во время пьянки в мастерской одного художника,— мастерская была неухоженная, холостяцкая, как мельком подумалось Наташе, на чердаке огромного дореволюционной постройки дома,— Валерку отправили в магазин за водкой: как самого моло-

дого, хотя самым молодым он вовсе не был, в компании были и помоложе. Но тот с готовностью сгонял.

Пока Валерки не было, художник — Валеркин приятель, его возраста, когда-то учились в одной школе — попросил Наташу помочь ему на кухне на предмет закусона. И, когда она отвернулась к кухонному столу, довольно плотно обнял ее за талию сильными руками и ткнулся губами в шею, попутно прикусив за ушко. Наташа отдернулась, пробормотала что-то укоризненное, но, быть может, художник — звали его Георгий, в нем были грузинские, что ли, крови — почувствовал, что Наташа повела себя недостаточно решительно. Но и продолжать ухаживания не стал, только обаятельно улыбнулся. Даже несколько смущенно, или это показалось Наташе.

В этот вечер отчего-то Валерка напился вдрызг, — до этого Наташа никогда не видела его таким пьяным. Наверное, заметил, как нравится она его другу. И, увлекши ее на ту же кухню, где ее только что обнимал художник, встал на колени, прослезился и попросил ее стать его женой. До этого вечера Наташе никогда никто не делал предложений. И от Валерки она — втайне от самой себя — очень ждала этих слов.

Глава 8. ПЕРВЫЙ МУЖ

Они прожили вместе еще около года в огромной Валеркиной коммуналке, подлежащей расселению. Дом был старый, ветхий, квартира — на первом этаже,

сырая, темная, вход — со двора, идти надо было через подворотню; ванна с газовой колонкой, по утрам в ней оказывались какие-то черные жуки — Валерка утверждал, что жуки — тоже евреи... Но место хорошее — улица Семашко, прямо за Военторгом.

Кроме Валерки и его матери в квартире оставалась только какая-то отчаянно тощая девица по имени Валя, занимавшаяся спекуляцией. Она самовольно захватила несколько опустевших комнат, которые набила какими-то дурно пахнущими тюками, коробками с пылесосами и утюгами, и подчас к ней приходили смутные смятые личности, которые шныряли вдоль стены коридора, а потом, нагруженные, незаметно исчезали... Впрочем, очень скоро и сама Валентина сгнула куда-то.

Это было несчастливое Наташино время. Во-первых, став мужем, а еще точнее — с того вечера, как Наташа сказала ему да, Валерка неожиданно оказался ревнив, ему все время казалось, что Наташа его недостаточно любит — во всяком случае, так он заявлял в пьяном виде. Но Наташа полагала, что это как раз она недополучает его внимания и любви: с ней он теперь подчас бывал невнимателен, даже груб, а Наташа не переносила грубости — не привыкла. Зато Валерка бывал неизменно очень нежен со своей матерью Фирой Давыдовной — до смешного.

Молодые ютились в маленькой комнатке-пенале, а Наташина новоиспеченная свекровь располагалась в большой комнате, служившей, впрочем, всей семье столовой. Валеркина комната была бедновата, две картины, подаренные тем самым Георгием, на стене, пол-

ка с томиками стихов, портрет Хемингуэя, валяющиеся по углам какие-то медицинские справочники, узкая лежанка, но они помещались, Валерка был щуплым. Комнатка напоминала бы общежитскую, если б не вполне приличное старенькое бюро, на котором навалены были какие-то листки, фотографии,— архив, так сказать. В многочисленных ящичках царил и вовсе кавардак, Наташа только раз заглянула. Имелись еще и несколько не к месту дешевая иконка в углу и лампадка под ней — киот, называл это Валерка. Лаптей только не хватает, думала Наташа легкомысленно, не без раздражения.

Зато в большой Фириной комнате — она так и называлась в семье — большая,— стоял огромный резной буфет с сервизами внутри, кровать свекрови с дубовыми выгнутыми спинками, два окна закрывали пыльные плюшевые гардины, висел абажур с бахромой над большим круглым обеденным столом.

Надо отдать должное Фире,— именно так, настаивала та, должно было ее называть,— она особенно не вмешивалась в дела молодоженов. Относилась философски, как утверждал Валера. А вот Наташа полагала, что за этой философией — один старческий эгоизм. Фира вообще жила в некоторой прострации, но очень оживала, едва в гости заходил кто-нибудь из знакомых мужского пола, красилась, принаряжалась, доставала веер из глазастых перьев. Это было противно наблюдать — кокетничающая размалеванная старуха, у которой над углами губ торчали пучочки форменных черных усов. Наташу раздражала неряшливость старухи, вечные пасьянсы, когда грязные чашки сдвигались к краю большого стола да там и оставались по несколько дней,

пока Наташа не помоеет. Раздражал прогорклый запах старушечьего тела, что застоялся в этой комнате, и прелый, как сырая солома, запах каких-то доисторических духов, плоскими и мутными баночками которых была заставлена средняя открытая полка буфета, служившая Фире туалетным столиком. К тому ж, Наташа не могла простить Фире явного ханжества: пока они с Валерой мыкались по общежитиям, его комната пустовала, и он не раз обмолвился, что, мол, мама строгая, и он никак не может водить при ней женщин. Наверняка ведь водил, оставляя за собой поле для временных отступлений и случайных походов.

И вот что еще важно. Никаких следов папаши Адамского в этом жилище не наблюдалось. Ни фотографии, ни других признаков памяти. Никогда не всплывал отец Валерки и в разговорах. Наташа однажды не выдержала и спросила мужа о несуществующем тесте. Погиб на фронте, сказал Валерка с кривой усмешечкой — так он отзывался о своих пациентках. Наташа собралась было выразить приличествующее соболезнование, как спохватилась: Валерка родился больше чем через десять лет после конца войны... Что ж, в ее собственной семье отца тоже не слишком замечали. Он приходил домой, снимал сапоги, вешал китель в шкаф — дослужился до майора — молча ел, отправлялся за ширму. Потом он умер.

Понемногу Наташа стала с ужасом убеждаться, что тихо ненавидит эту совершенно безобидную старуху. И ужасалась тем больше, что считала себя, быть может, и не добрым до бессловесности, но незлым и толерантным — она знала такое слово — человеком. Поэтому

теперь все время, что она проводила в семье, все душевные силы Наташа тратила на то, чтобы скрыть это свое злобное чувство к свекрови, чтобы не дай Бог — Валера ничего не заметил.

Но тот, к несчастью, все замечал. И тем больше отдалялся от Наташи, тем более ласков бывал со старухой. Но однажды Наташу вдруг озарило: он так нежен и предупредителен с матерью, потому что ждет, когда та умрет.

Наташа все чаще уходила в общежитие — заниматься, днями лежала ничком на кровати — Полина, уже вернувшаяся из своего скоропалительного брака, подавала сердечное. Наташа много плакала и говорила себе, что больше туда не пойдет. Валерка же принялся раз в неделю загуливать — вернулся к холостяцким привычкам, дома не ночевал по две ночи кряду. Наташа то злилась и ревновала, то терзалась угрызениями совести, что она — плохая жена, пугалась, ей казалось, что кроме Валерки у нее нет никого-никого. В известном смысле это так и было — не считать же близким человеком сосредоточенную на себе Женьку: та пошла на практику в АПН и стала жить со своим руководителем — лет на тридцать ее старше похотливым женатым мужчиной, уже дедушкой. А мама далеко, и они, такие когда-то близкие, постепенно становилась почти чужими... И, думая обо всем этом, Наташа плакала еще горше, бывало нестерпимо одиноко и жаль себя.

Если Валерка пропадал, то Наташа из комнаты не выходила, ей было стыдно Фиры, хотя та, казалось, ничего не замечала. И это тоже было невыносимо. Иногда Наташа бросалась на розыски мужа, приходила в об-

щежитие второго меда, куда водил ее когда-то Валерка, подчас действительно заставляла его там, и тот покорно шел домой, ведомый молодой женой. Иной раз Наташа вытаскивала мужа из нижнего буфета Домжура — он пьянствовал там с какими-то творческими людьми, замухрышистого вида не то литераторами, не то журналистами. Однажды она долго стояла в дверях, и в полумраке буфета Валерка не видел ее. Да и не смотрел по сторонам: он был не совсем еще в стельку пьян, но уже на взводе, и упоенно декламировал собственные стихи каким-то обшарпанным личностям, которых, скорее всего, сам же и угощал водкой с бутербродами. И Наташе стало его жалко до спазм в горле, и она, в слезах, горько думала, как он несчастен со мной...

Однажды в пылу таких поисков она попыталась разыскать у Валерки в записной книжке телефон того самого Георгия, в мастерской которого когда-то Валерка сделал ей предложение. Дело в том, что муж подчас ссылался — заночевал, мол, у Гоги. Листая книжку, Наташа зачиталась было — книжка пестрела женскими именами, и тут сообразила, что в мастерской телефона, скорее всего, нет. За все время брака они были у Георгия один или два раза, причем приняты были как-то холодно. И быстро уходили. И вот теперь, когда Валерки не было уже двое суток, Наташа решилась: она поедет.

Что она надеялась там найти, она и сама не знала, но заволновалась очень. С дрожью рук Наташа долго красилась перед зеркалом, потом разглядывала свои ногти — ничего, лак еще держится, — потом ловила такси, ее бил озноб, пока она ехала на Сретенку. Никакого Валерки, разумеется, в мастерской не было. Георгий

был один. Они выпили. Наташа не помнила, как все получилось. Потом Георгий сказал, пока она смятенно шептала мне пора и судорожно нащупывала молнию на боку, чтобы застегнуть юбку: куда тебе идти, оставайся.

И действительно, с изумлением и ужасом поняла Наташа, этот славный грубоватый человек был прав, идти ей, в сущности, было некуда.

Глава 9. ВТОРОЙ МУЖ

В Загсе, пока их разводили,— скоренько, за тридцатку, ни общих детей, ни общего имущества,— Валерка прослезился. В последнее время это с ним часто случалось и по гораздо менее торжественным случаям. Но, быстро просохнув, как ни в чем не бывало заявил, что это дело надо обмыть. Наташа подумала: легкий человек. Слишком.

Сама она, конечно, тоже волновалась и тоже плакала: ей было себя жалко, впустую потратила столько лет. Последнее было сентиментальным преувеличением — счет в данном случае на годы не шел. Но и испытывала самое настоящее облегчение, гора с плеч, она только теперь поняла, как тяжело и несчастливо жила последнее время. Хорошо хоть ей хватило ума не сказать маме, что выходила замуж — о самом факте присутствия в ее жизни Валерки мама знала, проболталась Нелька, когда приезжала в отпуск. Мама разволновалась, Нельку расспросила что да как, тоже поплакала. А, дождавшись еженедельного звонка дочери, только и сказала: хорошо, бабушка не дожила, а отцу я ничего не

говорила... Дура, все-таки, эта Нелька, недаром училась на одни тройки.

И, обретя свободу, Наташа собрала немудрящие свои пожитки — кое-что, впрочем, оставалось в общезжитии: Валерка, помнится, возмущался: жена она или не жена, нужно перевезти все,— но потом как-то забыл, эта тема вылетела у него из головы. А, собравшись, переехала в мастерскую Георгия — до такси, давно перестав плакать и выпив по такому случаю, чемодан донес благородный Валерка собственноручно. И Наташа оказалась на чердаке, под самой крышей огромного дореволюционного дома, вознеслась, по язвительному слову Валерки.

Чтобы добраться до мастерской Георгия — друзья звали его Гога или Гоша, в зависимости от близости и качества знакомства, Наташа остановилась на Гоше,— нужно было одолеть восемь этажей по задней, черной, лестнице, такие до революции делали для прислуги; а потом, балансируя, пройти по доскам, положенными на кирпичи, и пересечь целый отсек чердака: здесь отчего-то всегда стояла вода по щиколотку. И шныряли крысы. У низкой двери, обитой отстававшим ржавыми клоками листовым железом, была приколочена к стене пожарная совковая лопата и спертая где-то табличка не влезай, убьет: инсталляция, не иначе. Но, пройдя все испытания, Наташа оказывалась, наконец, в относительном уюте.

В мастерской было совсем неплохо. Пахло масляной краской и разбавителем, стояли повернутые лицом к стене холсты, имелся большой круглый стол — больше Фириного, персон на двадцать,— на нем вечно валя-

лись листы с набросками, сдвигаемые в сторону, коли выставлялись бутылки и резалась колбаса; обок на лавке выстроилась целая выставка утюгов, подобранных на помойке,— коллекция.

Спать надо было на тесных палатках, куда вела шаткая лесенка,— на антресолях, говорил Гоша. И, когда они занимались любовью не горизонтально, а она сверху — наездницей, Наташа иногда, забывшись, больно ударялась головой в потолок.

Впрочем, художник заниматься любовью не слишком любил, вопреки распространенному предрассудку насчет выдающейся пылкости грузин, делал все быстро, наспех,— любил друзей, застолье, разговоры. И свою работу, конечно. Валеркиной любовной техникой у него и близко не было, Валерка такой торопливый секс назвал бы походным. Впрочем, и грузин-то Гоша был какой-то, на взгляд Наташи, сомнительный, внешности вполне славянской. И с русской же фамилией Кузнецов.

Помимо пространственного контраста, разной этажности, как говорят строители, и разницы в делах любовных, было еще много чего, что резко отличало жизнь Наташи с Валеркой от жизни с Гошей. Во-первых, не стало свекрови Фиры, и это для Наташи было настоящим праздником. Но многое другое было не так радужно. Валерка, хоть пьяница и гуляка, был чистюля до некоторой даже мании, тогда как Гоша не отличался гигиеничностью — притом, что душ в мастерской был,— мог неделю ходить в одной пропотевшей рубашке, пока Наташа не заставляла поменять, вылезал из нее с неохотой, говорил мне в ней удобняк работать.

И образ жизни у них был разный.

Если Валерка привык жить жизнью внешней, общаться, так сказать, на выходе, экстравертно, то Гоша, напротив, мог неделями не спускаться со своего чердака, люди сами приходили к нему, неся выпивку и закусок: в еде, как и в любви, художник был неприветлив. Поскольку на чердаке не было телефона, люди шли косяком в любое время дня и ночи самотеком, так сказать,— и всем Гоша неизменно бывал рад, этой его неразборчивости Наташа поначалу дивилась. Приходили и мужчины, и женщины, причем многие оставались ночевать: на полу под мольбертом, по лавкам попеременно с утюгами, некоторые пьяные девицы норовили даже нырнуть в супружескую постель. Но к приходящим женщинам Наташа не ревновала, хоть и были это, наверняка, бывшие пассии хозяина,— знала Гошино в этом деле не равнодушие, но ленцу. А, может быть, за время жизни с Валеркой Наташа просто устала ревновать.

И еще: Гоша сразу же объявил, что по загсам не ходок, что вообще в гробу видел советские учреждения, так что Наташа все время, что здесь прожила, была гражданской женой, и, втайне считая своего полковником третьим мужем, несколько лукавила, строго говоря, против официального счета и реального положения дел. Ну да это как считать, тем более, что Гоша всегда представлял ее моя жена, и Наташа смирилась — художник.

Гоша был добряком и самодуром одновременно: мог наорать, а через секунду лез с поцелуями, приговаривая Тата, Тата, где наша ямочка, — так Наташу называла когда-то только мама. Иногда, когда Наташа обра-

щалась к нему с чем-нибудь бытовым, а тот пребывал в задумчивости, Гоша вдруг мог обернуться и произнести чуть не по слогам, с каменным чужим лицом, почти с ненавистью: ты мне мешаешь думать. И в такие минуты она его не узнавала, такого славного и близкого. И пугалась.

В первые месяцы их жизни Гоша все писал с нее портреты. Причем от часа к часу, от сеанса к сеансу становился требовательнее и привередливее. Заставлял ее позировать в каких-то немыслимых шляпах, в жеманных искусственных позах, Наташа спросила как-то, откуда шляпки-то, ответил, ернически ухмыляясь: приданое. Когда дело дошло до ню, Наташа было взбунтовалась, но получила под нос альбом Модильяни, смирилась, позировала голой, хоть и стыдилась, мерзла... Тогда еще не в ходу было определение эстетический садизм, как, впрочем, и мужской шовинизм. Но, глядя на то, что выходит из-под кисти Гоши после таких сеансов, твердила про себя: издевательство, но — благоразумно — не вслух.

Наташа часто сравнивала Гошу с Валеркой, — теперь она могла это делать, видя положение дел, так сказать, изнутри. Но так и не смогла понять, какая модель для нее лучше. Честно говоря, поскольку этими двумя мужчинами исчерпывался ее семейный да и вообще любовный опыт, она подсознательно смирилась с тем, что мужики все такие, как при случае говаривала Нелька. А та же Женька еще и добавляла: да что на них внимание-то обращать.

Но Наташа любила мужчин и обращала на них внимание. Любила не в том смысле, что была любвео-

бильна, — Наташа, как и многие женщины, по сути была однолюбка, — но как подвид человека, очень важный в природе и в жизни. Конечно, пусть они все как один пьющие, эгоистичные, не без капризов, зацикленные на своей гениальности, но при том весьма общительные, подчас веселые и остроумные. И на том спасибо, что — не скучные. А главное — с ними было хорошо, защищено, и они при этом подчас вызывали жалость и нежность, и их в свою очередь хотелось приласкать и защитить... Но и разницу, конечно, можно было заметить: Валерка все-таки был относительно приспособлен к жизни, нынешний же — совсем не от мира сего. Так что у мужской Наташиной медали было две стороны, две чеканки: Валеркина и Гошина.

А с одного прекрасного дня Наташе и вовсе сравнивать стало очень даже сподручно: Валерка, будто заблудившись, в один прекрасный вечер пришел на чердак с бутылкой, а Гоша как не в чем ни бывало весело скомандовал: наливай! И потом: Татка, у нас там пожрать осталось? И Валерка подхватил: накатывай. И они выпили, и похлопали друг друга по животам, глупо похотывая.

Валерка стал бывать у них в мастерской что ни день. Подчас, нализавшись, ухлестывал за бабами, — Наташа сердилась. И опять стал неременным другом дома, будто между ними троими ничего никогда и не было. И, несмотря на то, что был в этом ладе, в этой симметрии для Наташи какой-то даже уют, елей для дамского тщеславия, она день за днем стала все больше раздражаться, особенно когда оба мужа принимались жарко спорить об искусстве и политике, забывая о

ее рядом наличии. Нет, чтобы сцепиться из-за нее, надавать один другому по морде.

К концу зимы, проведенной на чердаке, Наташа стала будто задыхаться, подчас выбегала по мокрым доскам, пугая крыс, которых уже научилась не бояться, стремглав преодолевала восемь этажей по обшарпанной, с крошащимися ступеньками, с рушащимися перилами лестнице, пока ни оказывалась на оттаявшем уже бульваре. Бухалась на лавочку и, отдышавшись, принималась думать.

По всему выходило, что она совсем заплутала и заблудилась, и надо из всего этого выпутываться. Но она не знала — как. Она, вспоминая бабушку Стужину, думала о том, что ее все-таки учили относиться к жизни, как к ответственной задаче, как к обязанности человека. Как к необходимости ежедневно строить жизнь — мать так и говорила: ну, с этим-то жизнь не построишь. А ее молодые мужья как раз ничего не строили, хоть и закончили свои институты, один — медицинский, другой — Суриковский, были каждый в своем деле умельцы. Но именно ответственности им и не хватало, все как-то тяп-ляп,— если так строить даже сарай, и то рано или поздно крыша может рухнуть на голову.

Отчего так — Наташа не знала, но был для нее в этом их богемстве, в стремлении жить табором, привкус саморазрушения. Она же к жизни относилась благоговейно, к любой жизни, и если б когда-нибудь ей пришла бы в голову мысль о самоубийстве, она содрогнулась бы, отшатнулась в ужасе и отвращении. И теперь Наташа недоумевала, как же она-то могла так долго все это терпеть. Наверное, при ее воспитании вся эта мужская

необязательность ее и повлекла, этот плод ей оказался сладок с непривычки, ведь прежде такого в ее жизни никогда не было... И не будет, с твердостью говорила себе Наташа.

Той смутной весной она и повстречала своего лейтенанта. Своего будущего полковника.

Глава 10. ЗАМУЖЕМ

Теперь-то, спустя двадцать лет, ей было сладко поминать свои безумные молодые годы. И, несколько и стесняясь, и хорохорясь перед самой собой, вспоминала, как приладилась наставлять рога обоим своим мужьям. Впрочем, с грустной честностью констатировала Наташа, оба этого совершенно не замечали. А если бы и узнали — наверняка не придали бы должного значения. Хотя, быть может, и выгнали бы с чердака. В конце концов, от девиц, желающих похозяйничать в богемной вольной мастерской, где обретались молодые и щедрые, веселые мужчины, в те годы отбою не было.

Но дело сложилось само собой. Со старшим лейтенантом Владимиром Брезгиным Наташа познакомилась, как это ни смешно, в Ленинской библиотеке. Дело в том, что хоть и жила она жизнью нервной, диковатой и разбросанной, но все ж таки ухитрилась за это время получить диплом, сдать кандидатский минимум и проскочить в аспирантуру к своему же кафедральному руководителю. А старший лейтенант Брезгин, слушатель Военно-инженерной Академии, как оказалось, не довольствовался имеющейся в его учебном заведении

специальной литературой, но — само образовывался, расширяя свой кругозор — вплоть до чтения Камю. Вот так они и встретились впервые взглядами — в читальном зале, каждый со своей настольной лампой зеленого стекла.

У молодого офицера были, что называется, открытое лицо и добрые глаза. И это — не фигура речи: старший лейтенант Брезгин, действительно, был и добр, и романтичен. И, несмотря на молодость, очевидно основателен,— что-то от покойного отца померещилось в нем Наташе. Наличие иерархии ценностей, как принято было говорить на университетских семинарах в те годы: ведь это было, когда Андреев читал про сюрреалистов, а Мамардашвили — о Прусте: Наташа кое-какие лекции посещала, конспектировала, но понимала мало.

Их роман был ясен до геометричности, как советская лирическая комедия: прогулки по весенним лужам, цветы при свидании у памятника, робкие пожимания рук в темном зале кинотеатра Россия, поцелуи на лавочке в парке недалеко от университетского общежития, импрессионисты в Пушкинском, конечно, первое приглашение будущего полковника в гости и знакомство с целомудренной Полиной; некоторое ускорение по части расстегивания кофточки и проникновения под подол на той же лавочке, взаимное признание в любви — сперва он, потом она я тебя тоже; помолвка в кругу слушателей Академии — Полина и Женька были приглашены, разбитная Верка, разумеется, нет; первое робкое соитие — через два с лишним месяца после знакомства — в его коммунальной комнате,— лейтенант Брезгин подгадал, чтобы в квартире не было соседа;

поездка к его маме в Расторгуево, холодец; перелет в Свердловск к ее маме, домашние пельмени; свадьба с фатой в ресторане гостиницы Университетская, — в одном комплексе с Балатоном, где некогда давали виски Клуб 99; первая беременность — при Валеркиной хватке ни разу от него не залетела, и от Гоши отчего-то не беременела, начала даже волноваться, ходила к врачу, сказали, что у нее все в полном порядке. И выяснилось — да, действительно, в полном...

Так и прожили два десятка лет: первые роды, капитан научился гладить пеленки, подкапчивали на то да се, защита кандидатской, банкет в той же Университетской; запомнился праздник, — когда получил майора, купил Наташе кухонный комбайн (ГДР); первый цветной телевизор, цветной в том смысле, что фиолетовый с зеленым, — Рубин; машина Жигули третьей модели выбрали полгода — все ходили с заветной открыткой, но нужного цвета не было; отдельная квартира — сразу двухкомнатная, — и это нужно повторить — отдельная квартира; вторая беременность; доцентура; гарнитур дорогой красивый — сережки и колье; пылесос Сименс и стиральная машина Бош; дали подполковника и земельный участок восемь соток; ауди, дачка, клубнику сажать не стали — газон; первое пересечение границы — Турция по туру, ничего особенного; переезд в трехкомнатную в Митино — кругом лес да поля, метро нет, потому — подержанный Жигуль-семерка для Наташи, в семье стало две машины; гарнитуры на кухню и в спальню (Италия), гамак на дачу, телевизор и видеомагнитофон Сони, гараж кооперативный в трех остановках на троллейбусе, мойка с сушилкой, ванна с крошкой

— под мрамор; застеклили лоджию, кресло-качалка и ложный камин; ковры в комиссионку — у младшенькой аллергия, а паркет еще при заселении отциклевали; из духовного: театр раз в месяц — Таганка, запомнилась премьера Мастера, острова Володи с понтом Пилат — смеялась, хоть и не показалось остроумным, это еще когда жили в двухкомнатной; импрессионисты по старой памяти — но теперь уже пост; подписка на Новый мир — Володя прочел Котлован, ходил мрачный — пробрало, но ГУЛАГ читать отказался, из Красного колеса — Август, жалел генерала Самсонова; по видео — Дневная красавица, Женька дала кассету — взяла у шефа, Наташа была без ума, Володя морщился, ревновал, пожимал плечами, бабенка-то так себе, но был застигнут при втором, тайном от нее, просмотре; книги же читать почти не успевали — диссертация съедала силы; под Новый год — Рязанов, хоть и соглашались, что ерунда, но смотрели с удовольствием, ко мне мой лучший друг не ходит; Володя еще любил Гайдая, Ивана Васильевича смотрел десять раз; однажды пошли с девочками в Третьяковку, долго стояли перед Ивановым, какие-то иностранцы без экскурсовода недоумевали — что это, объяснила — Эпириенс оф Крайст ту зе пипл — поняли, сама порадовалась, не совсем язык забыла; Володе понравился Демон; слушали музыку — концерт Мендельсона для фортепьяно с оркестром, цыган — это уже когда появились CD, потом уж старшая — Де пэпл, что ли, никак не загнать заниматься... И как-то все так складывалось, что на многое уж времени не оставалось, Женька позвонит — а читала это, а видела то, — разлюбила с ней разговаривать; и многое как-то выветрилось

и позабылось, и желание уж было не то — уставала, и любопытство притупилось — закрыть бы глаза, лежа в тенечке на даче с раскрытой Марининой на груди, и приятно расслаблять поочередно одну ногу, другую, одну руку...

Тут-то и принесла Зоя эту самую весть, что так круто надломила Наташину пусть и не совсем счастливую, но спокойную и размеренную жизнь.

Глава 11. ОПЯТЬ ПЕРВЫЙ МУЖ

Наташа, получив эту диковинную новость, хотела было отмахнуться: мол, глупости, вот и подруги ни о чем не знают. Но тут она вспомнила давнишнее предсказание цыганки, и затревожилась, занервничала. В возбуждении она купила настоящую елку, хоть в стенном шкафу и пылилась дорогая нейлоновая, распаковала ящик с игрушками, старая гирлянда лампочек не горела — купила новую, разноцветно мигающую красным, зеленым, желтым и фиолетовым глазами. Накупила заодно и мишуры. И даже старшая ахнула, увидев такую красоту, но с напускной небрежностью обронила что, у нас праздник, это у них, у нынешних подростков, была, наверное, такая мода — на нигилизм. Но в этот же вечер после душа дочь напялила старую толстую отцовскую рубаху, забралась с ногами в кресло под торшер — значит, никуда не пойдет, — и в доме стало уютно. Старшая любила отцовские рубахи, рукава не подворачивала, а сжимала края в кулачках; Наташа понимала — из неосознанной ревности, оттого, что отец

младшую больше любит. Она поцеловала дочь, но какое-то дурное предчувствие охватило ее...

К Валерке она отправилась, когда до Нового года оставалось три дня,— после лекции. Стояла отвратительная оттепель, слякоть, город в ранних сумерках был сыр и сер. В тот день Наташа машину не взяла, лень было ехать в гараж, заводить, выводить, запирать — поехала на метро на Боровицкую. Обогнув Румянцевскую библиотеку — здесь когда-то она и познакомилась с Володей, библиотека тогда была еще Ленинкой,— она вышла на Калининский и дошла до Военторга.

В последние годы Наташа редко бывала в центре: в институт — или на метро из Митина до Вернадского, не поднимаясь на поверхность, или в машине, но тогда — по третьему кольцу... Вид Военторга ее поразил. Здание было укутано грязной какой-то тряпкой от фундамента и до крыши, сквозь марлю просвечивали пустые дыры бывших огромных окон. И в этом Наташе почудился недобрый знак. Она заколебалась, заволновалась, ей отчего-то стало жаль Военторга, хотя она никогда не любила этот магазин: не потому, что военный, просто когда-то здесь был ближайший к их с Валеркой дому водочный отдел. Теперь же жалкий вид здания, когда-то нарядного, с блестящими витринами, в которых были представлены формы разных родов войск, сверкавшие амуницией и кокардами, был неприятен. И стало очень жаль молодости, и показалось вдруг, что жизнь прошла. А ведь она никогда об этом так не думала, запрещала себе так думать: еще столько планов, столько несделанного...

Наташа завернула за угол и с удивлением узнала, что и улицы Семашко больше нет. Есть Большой Кисловский переулок, и это тоже ее расстроило: ну да, она стала такой, как некогда старорежимные московские старушки, которые не могли взять в толк, что Охотный ряд больше не существует, а есть отчего-то проспект Маркса. Над такими бабушками тогда, в дни Наташиной молодости, посмеивались. А теперь она сама не может привыкнуть к новым-старым названиям, и приходится напрягаться, чтобы сообразить: Остоженка — это Кропоткинская или это бывшая Метростроевская.

Наташа медленно пошла по переулку, всему в темных лужах поверх неубранной дворниками наледи, и тут легкая рябь страха легла на сердце: как будто она поймала себя на том, что у нее мутится разум — она не могла найти ничего, что так хорошо знала когда-то. Это было ужасное чувство: память отказывала ей, она не узнавала таких знакомых для нее мест, ее охватило смятение. Чуть не в панике она прошла переулок в один конец, дошла до Герцена, потом вернулась почти бегом, но знакомого дома нигде не было. То есть какие-то дома в лесах стояли на местах, но между ними были неряшливые пустыри, готовившиеся, должно быть, под новую застройку.

И вдруг в одном из таких прогалов она с радостью узнала — дерево. Только оно стояло будто не там, где ему было положено стоять, но это было хорошо знакомое ей дерево: то ли липа, то ли тополь, Наташа совсем не разбиралась в ботанике. Скорее, все-таки, липа.

Нигде не было дома, на углу которого эта липа росла, а само дерево было цело. Наташа подошла бли-

же, вгляделась, сомнений быть не могло. Она потрогала ствол, потом сняла перчатку и провела голый ладонью по шершавой сырой коре — дерево тоже постарело. И, тогда, будто долго крепилась, Наташа со щемлящим облегчением заплакала.

Опершись спиной на ствол и всхлипывая, Наташа поняла, что Фиры, как и дома, тоже наверняка больше нет на земле, а ведь когда-то Наташа ушла, не попрощавшись со свекровью. И живет ли на свете сам Валерка? Да нет, он совсем молодой еще мужик...

В этот sentimentalный момент неожиданных воспоминаний и сожалений, Наташа и не подумала, что, если Валерки уже нет на свете, это сразу решило бы все ее проблемы. Но сейчас, когда Валерка представился ей весь — молодой, щуплый, щеголеватый, подвижный, с этой своей циничной ухмылочкой — она еще пуще заплакала, уже от неожиданной нежности. А, утерев щеки платочком, заторопилась: ведь надо же искать его, искать, через справочную, как угодно... И вдруг сообразила, что невесть где эта справочная, да и дают ли там такие справки. А вот узнать все у Гоши было бы проще всего...

Она не созналась себе, да и не думала об этом, что решила найти Гошу, его мастерскую в большом доходном доме стиля модерн, чтобы убедиться: хоть что-то осталось на месте. Что не все, близкое ей когда-то, исчезло, пока она, не оглядываясь назад, прожила целых двадцать лет. И, может быть, жив все-таки ее первый муж, да, первый муж.

Она почти добежала до Арбатской, и в начале Суворовского поймала частного. И вспомнила, что точно

таким маршрутом и таким же манером она когда-то ушла к Гоше от Валерки с сумкой и с чемоданом. Точно таким манером и маршрутом... И это тоже ее напугало: будто прошлое, гонясь за нею, надвигалось неумолимо, чтобы смять все то, чем она, в уюте и огражденности, жила многие последние годы. Даже остановившийся частник на помятых и ржавых жигулях-копейке показался ей знакомым: та же кепка, тот же нависающий над губой нос, то же нахальное с кавказским акцентом сколько будем стоит, хозяйка?

Пока ехала в машине на заднем сидении, Наташа точно как тогда попудрилась, подкрасила губы, поправила волосы. Посмотрела машинально на ногти. Ногти, конечно, были ухожены не в пример далекой бедной молодости... Немного успокоившись, Наташа остановила машину, расплатилась, вышла на Сретенском бульваре.

Бульвар тоже перенес немалые изменения: теперь машины шли там, где прежде гуляли люди. Но — чудо — ее лавочка, на которой некогда она приняла столь важное, столь непоправимое решение, оказалась ровно в том же месте: она хотела было присесть, но стало жаль новую дубленку. К тому ж, наверняка, это была уже другая лавочка. Лавочки так долго не живут, грустно сострила Наташа.

И на своем месте стоял дом, огромный, как прежде — с эркерами, с ложными колоннами, и во многих окнах уже горел свет. Она прошла в арку — арка тоже была на месте, вот и дверь на черную лестницу. Дверь — это, конечно, громко сказано, так — калитка, по-прежнему болтавшаяся на одной петле. На лестнице

было темно, воняло человеческими отправлениями и кошачьей мочой. И Наташа подумала, что, наверное, кошки распугали здесь крыс, стало не так страшно.

Поднималась она долго, почти на ощупь, несколько раз оступилась, схватилась было за перилла, но те опасно накренились. Это несомненно были те самые перилла, который и двадцать лет назад уже были неверны и качались... Откуда-то сверху пролился свет, стали слышны громкие голоса. Когда добралась до чердака, то поняла, что и свет и голоса были из той самой мастерской. Чердак был сух, здесь не воняло как прежде, и крыс не было видно. Она приблизилась к заветной двери, волнуясь до стука в висках, — не подскочило бы давление. И еще подумалось: а что, если здесь теперь — чужие люди.

По давно забытой привычке, по наитию — когда-то Наташа из суеверия всегда так делала — пошарила рукою справа от косяка: лопата была на месте...

И Наташа вошла.

Глава 12. ОПЯТЬ ВТОРОЙ МУЖ

Наташу — так во всяком случае показалось — никто не заметил. В мастерской был в разгаре широкий пир. Шумная и пестрая компания увлеченно выпивала, сидя вокруг круглого большого стола — того самого; какой-то кавказского вида молодец лет под сорок в тот момент, когда Наташа переступила порог, темпераментно жестикулируя бокалом, полным красного вина, говорил тост: было заметно, что он крепко навеселе.

Быть может, сообразила Наташа, это — тамада, уж больно тот громко говорил.

Наташа так и стояла на пороге, когда какая-то тетка — Наташиных лет, может, чуть постарше — поманила ее рукой, достала откуда-то снизу табуретку, усадила рядом с собой, с напором приговаривая всем места хватит,— в любой большой компании есть такие гости, обуянные идеей обустройства чужого праздника; тетка поставила перед Наташей тарелку и рюмку, которую тут же и наполнила водкой. Наташе тетка показалась смутно знакомой: да, конечно, это была одна из тех девиц, что вечно толклись в этой мастерской еще в Наташину здесь бытность. Но, Боже, как постарела, крашеная, а корни волос седые... Интересно, узнала ли тетка ее, Наташу, ведь они часто виделись когда-то, или она тоже изменилась до полной неузнаваемости?

Тревожно пробежав глазами по пьяноватым лицам гостей, Наташа, наконец, увидела своего Гошу. Тот сидел наискосок от нее, но не в самом центре; вальяжно откинувшись — какая-то немолодая дама, крашеная иссиня-черной краской, с задранным острым носом и одетая не по возрасту, в ярко-оранжевый пиджак, почти загоразивала Гошу, оттого Наташа и не сразу его увидела — Гоша молча улыбался. Наташа так внимательно разглядывала пожилую курносую даму, потому что сначала приревновала Гошу к ней, а теперь увидела, как с другого бока к Гоше льнет молоденькая смазливая женщина — наверное, это и была, так сказать, Наташина сменщица.

Гоша почти не изменился. Погрузнел, конечно, поседел, отпустил артистические кудри — в Наташино

время он стригся коротко,— и седые кольца свисали по его раздобревшим щекам, придавая лицу и вовсе невинное, в сочетании с румянцем от выпитого, выражение; но он сохранил все те же неспешные жесты, и добродушная улыбка была та же. Наташу неприятно удивило, что на голове у Гоши была яркая аляповатая бандана с зелеными растениями — такие носят неуверенные в себе юнцы. Наташа знала, что побеги эти изображают коноплю, почти в такой же щеголял один из приятелей старшей дочери. Впрочем, повязка даже шла Гоше.

Наконец, и он заметил Наташу, не удивился, а сказал громко, ни к кому, впрочем, не обращаясь: вот и Татка пришла! Будто не было этих двадцати лет разлуки, будто всякий день они говорили по телефону, будто в эту мастерскую она время от времени заглядывала — как своя. И Наташа не знала: обидеться ли ей или порадоваться? Она только улыбнулась застенчиво и тихо произнесла: да, это я,— а Гоша приложил руку к сердцу и сделал жест в ее сторону. Наташа быстро отвела взгляд, потому что почувствовала, как ее глаза задрожали от волнения; взяла рюмку и выпила, хотя водки давно не пила; попыталась вслушаться в слова тоста, который продолжал говорить кавказец. И вдруг совершенно растерялась, обессилела, поскольку неожиданно поняла из по-восточному витиеватого тоста джигита, что повод сегодняшнего застолья — получение Государственной премии. И премию эту получил Гоша. Ее Гоша, о котором злые языки судачили, что, мол, спился, перестал работать и сошел с катушек. Оказалось — все ложь, вполне себе он на катушках. И она, Наташа, сложишь жизнь иначе, могла бы сидеть сегодня рядом с ним, и

по праву разделять его триумф, и принимать поздравления. Она, а не смазливая сменщица... И тут под общее громкое ура гости вскочили с мест, стали тянуться к виновнику торжества, кто ближе — лез целоваться; Гоша громко говорил ладно, ладно, господа, будет, что мы — государыню не брали; и Наташа тоже встала и сказала негромко в воздух свое поздравляю. Но никто ее не услышал, конечно. Гоша говорил, обращаясь к оратору: ты — Везувий, Гоги, настоящий Везувий! Почему Везувий — Наташа не поняла... Все уселись, застолье пошло своим чередом. Стало шумно. Какая-то морщинистая дама с комсомольским задором все кричала надо Ваське позвонить в Америку! Но даму никто не слушал. Кто такой Васька, Наташа не знала, зачем ему звонить — тоже не поняла, и опрокинула еще рюмку, потом еще одну; на тарелке у нее оказалась селедка под шубой, она съела и селедки.

Тут произошло маленькое смешное событие: тамада, совсем упившись, упал лицом на стол, опрокинув при этом свой бокал с вином. Кто-то откомментировал: был Везувий, теперь Помпея. Все захохотали, и Наташа вместе со всеми, со стыдом понимая, что уже не совсем трезва. Она спохватилась, что не помнит, зачем, собственно, пришла — так было ей тепло среди этих громко кричащих людей: наверное, потому, что было заметно, как все здесь друг друга любят, и как искренне радуются за Георгия. Так, во всяком случае, Наташе стало казаться... И тут она вспомнила: ну да, она же пришла узнать новый адрес Валерки. Но вспомнить, зачем, собственно, ей понадобился Валерка, она тоже уже не смогла.

Появилась гитара, и кто-то, отчего-то в сомбреро, запел А на нейтральной полосе цветы, и все присутствующие тоже хором запели, и вдруг стало заметно, что все эти люди отчаянно не хотят стареть, а хотят хоть ненадолго — назад, в прошлое и в молодость. Но видно было, что получается это у них неважно, не слишком натурально. Впрочем, Наташа тоже с энтузиазмом подпевала, вот только на втором куплете слова иссякли — никто уже не помнил этих старых слов, поэтому повторили кряду раза три припев, и хор сам собой распался... Наташа почувствовала, что кто-то обнимает ее сзади за плечи, дышит в ухо, и по этому дыханию она узнала Гошу, и даже чуть поежилась — насколько же она его не забыла. Она обернулась, сказала еще раз поздравляю и прибавила зачем-то совсем глупое не знала, что ты такой знаменитый.

— Ладно, Татка, — сказал Гоша, — ты-то как сама?

И Наташа открыла было рот, чтобы сказать — как она и чем-нибудь похвастаться, — дочками, чем же еще, не званием же доцента, — но Гоша уже говорил с кем-то через стол, а потом кто-то протянул ему зажигалку, потому что он держал во рту не зажженную сигарету. И Гоша сказал, затаившись и отвернув лицо, чтоб не выдохнуть Наташе в нос:

— Знаешь, сейчас модно разводить страусов.

Каких страусов, зачем страусов?

— Они несут, понимаешь, Натка, во-от такие яйца! Кто несет, куда, какие яйца?

— Представляешь, на Пасху можно наклеивать на них аппликации — жизнь Иисуса в картинках, и делать роспись.

Какие аппликации? Наверное, Гоша сильно пьян.

— И вот, Натка, мы с тобой чокаемся разноцветными страусиными яйцами — как думаешь, чье первое разобьется?

И тут Наташе предательски захотелось зареветь.

— Давай похристосуемся, Натка, и все забудем.

— Сейчас не Пасха, — выговорила Наташа и икнула.

Гоша пристально взглянул на нее и молвил: подожди. И исчез.

Наташа выпила еще рюмку, потому что ее соседка неожиданно Наташу узнала, после того, видно, как к ней подходил Гоша. Принялась нести обычную в таких случаях околесицу, мол, помнишь того, а помнишь этого, и потом брякнула бестактное ты была такая хорошенькая.

А ты и тогда не была, хотела срезать ее Наташа, но промолчала; поднялась и нетвердо направилась в туалет.

Неожиданно Гоша перехватил ее, увлек на кухню, приговаривая: нашел. Наташе представилось, что Гоша сейчас обнимет ее, как когда-то, на этой самой кухне, и поцелует, но вместо этого он вытащил из нагрудного кармана рубашки какую-то открытку. Вот, держи, здесь для тебя привет. И обратный адрес... И посмотрел на Наташу насмешливо, как ей показалось.

Наташа протянула руку автоматически, взяла открытку, поражаясь — как мог Гоша все угадать. Не мог же он знать про Указ. Или мог, быть может — уже опубликовали? И, стыдясь, кивнула. Ну, вот, оставь себе, сказал Гоша и еще раз заглянул ей в глаза — теперь,

кажется, с некоторым даже сочувствием. И отвернулся, пошел к гостям.

Наташа посмотрела на лицевую сторону открытки — там был изображен кактус, обвитый, как рождественская елка, гирляндами лампочек. И подпись Merry Christmas. Перевернув открытку, Наташа узнала Валеркин почерк: четкий бисер, всякая буква отдельно. Руки ее задрожали. Она посмотрела на обратный адрес, написанный не как у нас, внизу, а сверху. Открытка была из Мексики. Наташа не поверила, попыталась разобрать дату на штемпеле, унимая дрожь, а то буквы так и прыгали. Выходило, что открытка пришла не к нынешнему Рождеству, а к прошлогоднему. Может быть, Валерка был в это время в Мексике, как турист, вот и послал... Но нет, обратный адрес был не отель, а город Мехико. И начинался он с Valeriy Adamsky.

Наташа достала очки из сумки и пробежала глазами мелкий текст. После дежурных поздравлений и пожеланий, после какой-то только ее бывшим мужьям понятной хохмочки, смысл которой не дошел до Наташи, в открытке была приписка: «Если увидишь мою, передай привет из-под кактуса. Я часто Наташку вспоминаю. Даст Бог, еще свидимся. Думаю, Бог даст, он же всемилостив». Наташа как стояла, так и опустилась на табуретку. Выронила открытку: мою. Но опомнилась, быстренько подняла, сунула в сумочку.

Глава 13. НЕУЖЕЛИ ЕХАТЬ

Утром в квартире Наташа осталась одна — муж ушел на службу, девочки разбежались по учебам. И всю

первую половину дня Наташа провела перед зеркалом. Грустно усмехнулась, когда услышала, как по телевизору какая-то певичка отвечала интервьюерше на вопрос о шейпинге и о тренажерах: иногда увидишь у себя изъяны, здесь лишнее и здесь лишнее... И Наташа вскользь подумала,— не без раздражения,— что редактор мог бы и поправить: изъяны это не когда лишнее, а когда чего-то не хватает... И, разглядывая свое постаревшее лицо, Наташа поняла, что она сейчас в критическом, последнем женском возрасте, когда еще сегодня все может случиться, а завтра уже будет поздно...Наташа достала заветную открытку, аккуратно переписала мексиканский адрес в записную книжку. Быть может, написать ему, и он прилетит сам? Но эта мысль, отчего-то, не показалась Наташе удачной.

Чтобы отвлечься, она решила сделать педикюр и позвонила Зое. Сосед-старик взял трубку, долго и неразборчиво ворчал, потом согласился Зою позвать. Наташа ждала несколько минут, пока подошла Зоя. У той был голос, расплывшийся и слипшийся одновременно, и Наташа поняла, что в таком состоянии Зоя никак не может быть ей полезна. Перебив Зою на полуслове, пожелав веселых праздников, Наташа дала отбой.

Она решила прибраться и стала вытирать пыль, хотя пару дней назад была домработница, и все было чисто. Тут новая мысль пришла Наташе в голову: не пойти ли ей к цыганке. Мысль была совсем бредовая, к тому ж — она понятия не имела, где, собственно, сейчас цыганку можно разыскать. Что-то такое она слышала от Женьки — та ездила куда-то за город к какой-то старухе, и та раскинула карты. Некий смысл, некая туманная на-

дежда в этом были: а не перегадает ли эта новая столичная цыганка — старую, свердловскую, и сразу все ляжет по-другому. Не прочтет ли, скажем, по картам, — карты же не врут, должны знать, — что на самом деле живет Наташа правильно и хорошо, в согласии с судьбой, и что написаны ей на роду три мужа — средний гражданский, — и что с третьим у нее будет крепкая семья, две дочери, и проживут они счастливо до старости и умрут в один день... И тут Наташу передернуло одновременно от возмущения и от жалости к себе. Как, вот в этой квартире, которую она никогда не любила и которую сама не сумела сделать уютной, на даче с восемью сотками газона и с гамаком, со своим полковником Володей — и до старости! И больше ничего не будет, только что помрут в один день — хорошенький приз... И Наташа вдруг поняла не без испуга, что к такому итогу она решительно не готова.

Сейчас должна была вернуться младшая из школы, и Наташа стала спешно собираться — она решила улизнуть, чтобы до вечера не встречаться с домашними. Она поехала в Центр, на Ордынку. Но вместо салона красоты, куда хотела направиться за маникюром, Наташа неожиданно для самой себя оказалась в церкви. Наташа помнила ее название, потому что когда-то оно показалось ей загадочным и чуть смешным: церковь Николая на Пыжах.

Здесь было тесно, душно от ладана, жарко от свечей и шуб. Шла служба. Наташа перекрестилась на образе — не двуперстно, конечно, а как положено. Наташа всегда считала, что для счастья нужно не так много: быть любимой и самой любить, теплый дом и интерес-

ная работа, те сережки, что она видела недавно в витрине ювелирного магазина, двадцать четвертый Каприз Паганини, и природа. И капелька Бога... У атеистки Наташи образ Христа всегда лежал где-то на дне ее сердца, подчас шевелясь и вздрагивая. Евангельская история казалась ей прекрасной до слез: как бы там ни было, но тень Христа на кресте всегда падала на душу Наташи, потому что ее душа была христианкой. Конечно, она не ходила ни к исповеди, ни к причастию, но иногда ставила свечи за упокой бабушки, за здоровье своих девочек... Они купила свеч, поставила и за то, и за другое — под образом Богородицы. Неожиданно для самой себя поставила свечку и за здоровье Валерки.

Выйдя из церкви, она дошла до метро и вдруг купила на лотке дорогой Космополитен в целофановой обертке. Она не читала этот журнал после одного случая: однажды притащила домой номер — кто-то дал на работе — с надписью на всю обложку Все о его оргазме. И решила больше не прикасаться к гадости. Но на кухне за чаем все же развернула, стала читать — не без смущения и досады. Не заметила, как вошла старшая дочь, заглянула через плечо. И сказала: мам, что ты читаешь, это ж для молодых девушек. И Наташа тогда с раздражением журнал захлопнула, только и могла сказать: иди заниматься... А теперь вот купила зачем-то — разве что из упрямства. И поняла, что она — поедет!

Когда Наташа на что-то решалась — достать билеты на концерт, устроить дочь в нужную школу, получить автомобильные права — она сжималась пружинно, концентрировалась и мчалась, как на треке, и было ее не удержать. Вот так когда-то сорвались они с Валеркой

к Нельке в Душанбе. Вот так и сейчас уже через полчаса, она оказалась в Агентстве горящих путевок — она была здесь в начале лета, нашла адрес по интернету, тогда срочно добывала тур в Анталию: Володе внезапно выпал отпуск. Прежде чем идти в Агентство, аккуратная и предусмотрительная Наташа открыла свой зарубежный паспорт — посмотреть, не просрочен ли, и увидела свою фотографию. На фотографии она себе очень не понравилась: мертвое казенное выражение лица. Даже хорошенькой не назвать. Какие-то смутные колебания испытала Наташа, глядя на свое изображение. Но — поборола себя. В Агентстве ей было сказано, что, приди она неделей раньше, ничем помочь ей не смогли бы, перед католическим Рождеством все было раскуплено. А сейчас — пожалуйста: курорт шесть дней, пирамиды ацтеков, до того два дня в Мехико, отель четыре звезды, бассейн, все включено — странно, разве она была похожа на пьющего человека; и дорога совсем недорога — по апексу, то есть с фиксированной датой возврата, восемьсот уе, баксов по-нашему. Визу ей сделают за три дня, триста долларов, дешевле никак нельзя, у нее ведь индивидуальный тур... Знаю, знаю, отмахнулась Наташа и бросилась ловить такси — ехать домой за деньгами. В такси она вспомнила, что еще ее спросили почему-то: вы же не будете посещать северные штаты? Наташа переспросила: северные штаты чего? Северные штаты Мексики. Нет, зачем мне, ответила Наташа, отчего-то чувствуя, что лжет. Зачем ей, действительно, какие-то северные штаты, думала она сейчас...

Две тысячи у нее были тайно накоплены, хранились на книжной полке в ее комнате, засунутые в Розу

мира: таких книг никто в семье, кроме Наташи, не читал, — это как раз и на тур, и на расходы. Нет, мало, на всякий случай тысячу она возьмет у Аллы, у той богатый муж, правда скупердьяй, иначе не был бы богатым, но наверняка у Алки есть кое-что в собственном заглавнике... Теперь: что она скажет мужу. Как что? Скажет, мол, на работе дали почти бесплатную путевку. Профсоюзную. Он скажет: господь с тобой, Натка, какие теперь профсоюзы. А она: это у вас, у военных, ничего больше не дают, а у нас, у работников сферы образования... Нескладно, но ничего, что-нибудь другое придумает: мол, это историческая экскурсия для отличников образования — историк она, в самом деле, или нет, — своего рода грант. А купальник взять? Нет, он старый, не модный, купальник она купит на месте. Все на месте. И Наташа представила себя на пляже, на берегу Мексиканского залива. А что, фигура у нее еще вполне того, пляжная. И продают же, на самом деле, в стране Мексика приличные купальники-бикини...

Самолет улетал утром следующего дня. И в день перед отлетом Наташа опять была одна. Она бродила по комнатам, узнавая разные вещи, разглядывала их, как впервые. В комнате девочек она не задержалась — здесь она и так все знала наперечет, даже тайник за книгами, где старшая держала записную книжку с телефонами своих мальчишек. Погладила большую плюшевую обезьяну, что недавно сама подарила младшей — ведь будущий год обезьяний... В гостиной — так они называли большую, общую, комнату — тоже не задержалась, почему-то ей всегда бывало здесь неуютно и одиноко. Что-то чужое было в этом нагромождении техни-

ки, в большом фикусе на полу, который сама же и приволокла зачем-то: подружка дала черенок, Наташа ткнула в горшок с землей, а фикус разросся, стал давать ростки в разные стороны, ронял сухие листья, и, казалось, стал мешать дышать. И в их с Володей спальне она почувствовала себя сейчас так, будто случайно попала в незнакомую комнату. Здесь устроено все было так: помимо кровати и при кровати тумбочек был устроен уголок для ее занятий, а его секретер — ближе к двери. Зачем-то она щелкнула замком, крышка секретера откинулась. Она не ждала найти ничего нового — какие-то военные издания, конспекты, которые остались после Академии, документы. Одну книжку она взяла в руки, оттуда выпала открытка. Наташа узнала свой почерк. Какие-то общие слова, поцелуй — когда же она писала ему открытки? Ах, да, был у нее однажды симпозиум в Симферополе. Но, боже, это ж было так давно: судя по штемпелю, одиннадцать лет назад. И все эти годы он хранил эти пустые, в сущности, строки. Наташа опустилась на краешек кровати, разглядывая вид симферопольского бульвара. И думала: что же я делаю, что же я...

Глава 14. ПОЛЕТЕЛИ

Наташа хотела было лететь по студенчески: с одной дорожной сумкой через плечо, как летала когда-то на свердловские каникулы. Только самое необходимое: косметика, белье, немнущийся сарафанчик, кожаные черные босоножки (Италия), а пляжные тапочки в по-

следний момент выкинула, такая вот обуяла ее бесшабашность. Но в дубленой курточке: была предупреждена о перепаде дневной и ночной температур в стране назначения. Но сложила в последний момент все-таки несколько нарядов в чемодан,— и приличные туфли. И прихватила тот самый номер Cosmo, что купила по выходе из храма, целофан был еще не тронут.

В Шереметьево-2 в Duty Free хотела было приобрести пузырек Kenzo, но, примерившись к ценам, поняла, что даже в Митино в их большом универмаге цена ниже: везде обман. Да и зачем ей Kenzo, когда это вовсе не ее: она уже поменяла свои привычные Climat на Femmel,— на духи денег не жалела, если богатые подружки не догадывались во-время подарить на день рождения. Она, конечно, как все девушки ее возраста, миновав «Милого друга», вышла из Шанели №5 — давняя острота Валерки, перефразировавшая Достоевского, что ли: Наташа не помнила, кто там из них, русских классиков, вышел из Гоголевской «Шинели»... Нет-нет, духи — в Мексике, быть может, она найдет там что-нибудь экзотическое. И никаких цацок, конечно, там она будет ходить, украсив себя перьями: почему Наташа в этот момент сочла, что мексиканцы украшают себя перьями, она и сама не сказала бы. Просто кураж пошел.

Вместо духов неожиданно для себя Наташа купила пластиковую фляжечку виски Jonni Walker — Red Lable и блок Malboro Light, хотя пила мало, а курила и вовсе лишь когда выпьет. И то, не вдыхая, так — набирала ароматного сладкого дыма в рот и с удовольствием выпускала струйкой — за всю жизнь так курить и не научи-

лась. Зачем ей было покупать виски, она и сама толком не знала: говорили, помогает при взлете и посадке, чтоб не подступила тошнота.

Найдя свое место, запихнув куртку и сумку в пластмассовый багажный ящик над головой, Наташа сразу пристегнулась, чтоб к ней потом не приставали, и распахнула журнал. Не могла понять, куда девать пустой целофан, сунула в карман чехла впереди стоящего кресла. На обложке на этот раз ничего не значилось о мужском оргазме, но кое-что на схожую тему было: сорок пять мужских секс-грез. Наташа пролистала без интереса, удивилась инфантильности пожеланий. Что-то вроде: жена олигарха для него лишь красивая статуэтка, а для меня иное, и вот мы уже исступленно занимаемся любовью в кулуарах. Эти кулуары особенно Наташу развеселили, но, возможно, это у них, у молодежи, юмор такой. Или вот еще, под рубрикой историческое, почти по Наташиной части: прекрасная дама со словами я знаю, король был к вам несправедлив поднимает свою пышную юбку. Быть может, дочка была права, это журнал — для инфантилов, которые десятый раз перечитывают Трех мушкетеров.

Все пассажиры уже заняли свои места, но рядом с Наташей оставалось пустое кресло. Едва Наташа открыла статью Странные желания и прочитала подзаголовок он хочет, что ты на него пописала, как ей стало не по себе: неужели ее дочь тоже читает такое, ведь она сама в ее возрасте... Что ж, вот и вырастила дочерей. Да что там в ее возрасте, Наташа и в своем-то ни в чем подобном не созналась бы даже лечащему врачу. Однажды Валерка попросил посмотреть, как она писает и неожи-

данно сунул руку под ее струйку — тогда Наташа завижжала от испуга и неожиданности.

На соседнее кресло с каким-то костяным стуком бухнулась объемистая дама лет пятидесяти с лишним — скорее, даже ближе к шестидесяти, возраста было не понять, — с огромной колышашейся грудью, горбоносая, с вывороченными, в ярко-фиолетовой помаде, губами, одетая по-цыгански попугаисто: пестрая кофта, на ней другая — тоже пестрая, и в довершении дальтоническая шаль, устроенная, как перевязь шпаги — перекинута через правое плечо, а завязата узлом под левой подмышкой. В довершении пышные смоляные волосы были перехвачены надо лбом красной с зеленым банданой. И Наташа подумала так вот они какие, мексиканки.

Зажглись табло, включили магнитофонную пленку, на котором стюардесса гнусавым голосом зачитала информацию по-русски и по-английски, а ее партнер — по-испански. Моторы уж гудели, лайнер дернулся и покати по полю. Наташа отвинтила крышечку флажки, глотнула виски, хотела предложить соседке, но постеснялась: та лежала в кресле, откинувшись и закрыв глаза, как мертвая. Наташа стала читать статью про ушедшего мужа.. Суть статьи сводилась к тому, как повезло той несчастной, которую бросили, и от скольких напастей она разом избавилась: далее шло перечисление всех неудобств, исходящих от мужей. Наташу неприятно резанула неприязнь авторши к мужчинам, почти ненависть, и ей мужчин стало жалко. И еще она подумала, что, не дай Бог, есть на свете и такие же мужчины, которые могут так же мелочно и злорадно пересчитать все

неудобства и неприятности, что может внести в мужскую жизнь постоянная спутница. Только, разве что, закоренелые холостяки и женоненависткини-неудачники. Наверное, авторшу бросил муж, подумала Наташа. И, пролистнув несколько страниц рекламы, наткнулась на некий материал под названием Свадьба бывшего мужа. Текст пестрел выражениями типа бессонница подарила мне вояж в прошлое, или звонкие обломки смеха, или из темных уголков прошлого выглядывают, как монстры, пугливые ошибки. Да уж, с пугливыми ошибками у нас все в порядке, усмехнулась Наташа про себя. И прочитала всю эту галиматью до конца, ради которого все и было сочинено: героиня опять выходит замуж за своего бывшего мужа... Больше ничего читабельного, как выражается ее старшая дочь, Наташа в журнале не нашла, одна только реклама, причем преимущественно мобильной связи. Наверное потому, что считается: женщины разговаривают по телефону много больше мужчин. Интересно бы посчитать. Наташа сунула журнал туда же, где лежал целофан, в который журнал был первоначально обернут — сунула небрежно, глянцевая обложка скомкалась, — и тоже опустила спинку кресла, откинулась, прикрыла глаза. Бывший муж, который женится на бывшей жене. Да, наверняка Валерка женат. На здоровье. В конце концов, она просто летит в Мексику. С дружественным визитом, если угодно. По индивидуальному туру. Коммунисты Сикейрос и Ривера, его хромая подружка: как ее звали, кажется Фрида. Да, Фрида Калло. Красивое имя. А потом она отдалась Троцкому — перед тем, как того шваркнули дедорубом по голове. И вообще, сейчас лучше об этом не думать...

И, едва Наташа отдала себе такую команду, неожиданно ее охватило волнение, которое сама бы она назвала жутким. Скорее, это был необъяснимый страх, как если бы самолет сейчас начал падать. Страх этот носил характер именно что необъяснимый: ведь ничего, кажется, не произошло, ничего не случилось. Росла тревога, будто где-то что-то загорелось, обрушилось, где-то умер близкий человек, она потеряла дом и работу, можно было перебирать что угодно. Природа этого страха была животная, до спазм внутри, и тем хуже, что непонятно — откуда шла угроза. Это был истинный ужас, и Наташа судорожно принялась глотать виски. Как будто алкоголь мог ей сейчас помочь. Потом один раз и другой посмотрела на часы. Нет, время ее не интересовало, ей отчего-то показалось, что часы могли остановиться.

Тревожным взглядом Наташа стала оглядывать салон. Он был на треть пуст. Еще при посадке, в томительном ожидании в накопителе — изуверское словцо, как все в нашем сервисе, из концлагеря — после регистрации, она рассмотрела спутников. Летели преимущественно женщины — безошибочно российской наружности. Хорошенькие не попадались. Казалось бы — что всем этим женщинам разных лет, среди которых было мало даже просто приятных, в таком количестве делать в Мексике? И на что они надеются? Разве что на благополучную посадку. Нет, об этом в полете думают мужчины. А женщина в самолете думает о том, кто ее встретит! Меня не встретит никто. Куда я лечу?

— Что ж, давайте знакомиться,— услышала она низкий и хриплый голос. Ее соседка-мексиканка говорила на чистейшем русской языке. —Десять часов ле-

теть рядом, будь они неладны эти перелеты. Я — Солвейг. Солвейг О'Хара.

— Наташа,— скромно сказала Наташа.

— Вы не удивлены моим именем? Все удивляются — почему Солвейг. Что О'Хара, так это никого не волнует. Действительно, в этом мало интересного: мой муж мексиканец ирландского происхождения. Но Солвейг? А все очень просто: мама играла на рояле и обожала Грига, папа любил Ибсена и Блока... Тогда было модно давать детям... экзотические имена.— И соседка для убедительности, видно, постучала себе по колену. Раздался костяной звук — нога, видимо, была не настоящая.

Наташа чуть испугалась, и вдруг вспомнила — уж совсем ни к селу ни к городу,— что Валерка, тот да, писал на нее. А самой ей это и в голову не приходило.

Глава 15. СОЛВЕЙГ

Наташа не заметила, как задремала, а когда открыла глаза — стюардесса предлагала завтрак. Проснулась и Солвейг О'Хара, сказала хрипло доброе утро, детка, тяжело завопилась в кресле, устраивая тучное тело, подняла спинку, откинула на себя столик. Любит поесть, догадалась Наташа. И отозвалась: доброе. Они летели уже часа полтора, а в иллюминаторах стояло то же утро, и видны были те же облака, подсвеченные ранним солнцем откуда-то из-под хвоста самолета... Как же давно никто не называл Наташу детка.

Стюардесса выдала им по подносу с аэрофлотовским завтраком. Соседка деловито развернула аккуратный кирпичик, намазала разломленный пополам рогалик маслом, и ткнула рогаликом в Наташин скомканный журнал — латинские буквы Cosmo торчали наружу из кармана на спинке кресла.

— Зря ты, детка, это читаешь.

— Так, взяла в дорогу.. посмотреть,— словно оправдываясь, сказала Наташа. Ага, ее сейчас будут воспитывать.

— Им кажется, что они вступаются за достоинство женщин. На самом деле приличную женщину вся эта галиматья только унижает. Ведь так? — Солвейг О'Хара разинула пасть — у нее во рту мелькнула сбоку внизу пара золотых коронок — и разом проглотила половину рогалика.

— Пожалуй,— неуверенно согласилась Наташа.

— И как ты думаешь, сколько мне лет? — спросила соседка без всякой видимой связи с предыдущим разговором и подступаясь к прессованной ветчине.

— Думаю, около пятидесяти, — аккуратно сказала Наташа, хоть и понимала — как минимум под шестьдесят.

— На следующей неделе исполнится семьдесят. И ты мне годишься в дочери, верно?

— Мне будет сорок пять.

— Вот об этом я и говорю!— удовлетворенно сказала Солвейг О'Хара и подставила стюардессе, которая разливала аэрофлотовский кофе из пластмассового электрического чайника, свою чашку. — Этот, — она показала рукой в красивом чеканном серебре — это было

одно изделие, браслет на запястье и четыре кольца, на идущих от браслета мелких тонких цепочках — показала куда-то по курсу,— этот у меня пятый. На двадцать лет моложе. Старше уже никак нельзя: старичок, как справит нужду, так утыкается в телевизор. И это еще хорошо, если хоть что-то может... — И Наташа с грустью призналась себе, что приблизительно таким манером и протекает ее супружеская жизнь: краткая любовь, вечный телевизор. — А у тебя есть муж? — спросила старуха.

Наташа очнулась и кивнула.

— Который?

Наташа не поняла.

— Который по счету?

— Второй. То есть третий.

Солвейг добродушно рассмеялась. — Что говорить, их бывает и не сосчитать. — И проглотила остаток рогалика. Она все больше нравилась Наташе: инвалидность, старость, а какое самообладание, какая сила от нее исходит... — Но отчего мы завтракаем всухомятку... Эй, сеньорита, — крикнула она стюардессе.

— Да, сеньора?

— Когда закончите со всем этим, — несколько брезгливо Солвейг обвела толстым пальцем с ярким, как сама, маникюром передвижной столик стюардессы, — принесите нам текилы.

— Какой, сеньора?

— Белой, только белой! И лайма, конечно. Ну, да вы без меня знаете.

— Си, синьора.

Наташа наблюдала всю эту сцену во все глаза. Попробуй она выкинуть что-нибудь в этом роде, как далеко, интересно, ее бы послали.

— Понимаешь, детка, текила тем и хороша, что можно пить ее всегда: и до, и после, и во время. Ты впервые в Мексике? Если собираешься замуж за мексиканца — не делай этого, возьми совет старой мексиканки... — Впервые она употребила не вполне русскую грамматическую конструкцию. — Эти мачо, бр-р-р... думают только о своем члене. Интереснее, чем их яйца, они уверены, на свете ничего нет. Или у тебя в Мексике уже есть муж? — И с притворным испугом Солвейг прикрыла ладонью рот — жест нянюшки-простолюдинки из мексиканского сериала. И Наташа вдруг узнала ее: конечно же, это та самая цыганка ее юности с утренней, но уже пыльной свердловской улицы. Не буквально, конечно, та самая, но как бы перевоплощение той... Отпираться было бессмысленно.

— Да, я лечу к мужу, — произнесла Наташа. И добавила: — Но он об этом не знает...

Принесли текилу во влажных бокалах, которые до того окунали краями в соль. К концу дозы Наташа была обучена пить текилу, а Солвейг в свою очередь узнала о Наташе все. Ну, во всяком случае, то, что уложилось в два часа последующего полета. Можно сказать, они стали подругами — так, во всяком случае, стало казаться захмелевшей Наташе. Она не раз тревожно спрашивала думаете, я найду его, и Солвейг успокоительно хлопывала ее по руке.

— Вообще-то, детка, в твоём положении легче всего найти его и убить.

Наташа поперхнулась текилой. — Как... убить?

— Ведь так сказано в этом самом Указе, если я точно поняла. Сказано: если муж жив! А если он мертв, то ты сможешь вернуться к детям... Ну, не самой, конечно. Ты и не сумеешь. Поверь, не такое это легкое дело — убить человека. Это, можно сказать, искусство. Да еще убить... знакомого. Но в Мексике с этим несложно. Безработица, что поделать. Даже совсем зеленые юнцы принимают заказы. Попадают, конечно, бедолаги: стрелять плохо умеют, нервничают, палят куда придется, калечат мишени. А с мачете вообще не справляются — городские, что с них взять... Деревенские-то с детства поднаторели в драках. Особенно индейцы...

У нас в Москве тоже с этим несложно, подумала Наташа, но вслух не сказала: еще подумает Солвейг, что она, Наташа, что ни день прибегает к услугам наемных киллеров. И чуть было не спросила: мол, откуда Солвейг так хорошо осведомлена в механике этого дела. Как это называется — мокрого. Но, хоть и была нетрезва, спохватилась и промолчала.

— Если у тебя есть лишних долларов триста-четыреста. Впрочем, можно устроиться и за двести. — Солвейг прикрыла ладонью рот. — И вот что, детка, не печалься. Ты не бежишь от себя, ты идешь от себя к себе. Ты возвращаешься в дом. Мы все на пути к дому... — И тут Солвейг сладко и широко зевнула, прикрыла глаза и через мгновение уже спала, откинувшись, чуть похрапывая, и необъятная ее грудь уютно ходила вверх-вниз. И Наташа поймала себя на том, что с наслаждением использовала бы эту грудь на манер подушки.

Глава 16. ПРИЗЕМЛИЛИСЬ

Разбудил Наташу голос в репродукторе: пристегните ремни... внимание... мы осуществляем посадку в аэропорту столицы Мексики городе... температура воздуха...

— Отлично долетели, детка,— сказала Солвейг, будто и не спала.— Тебя встречают? А не то...

— Нет-нет, у меня трансфер,— сказала Наташа, пытаюсь встряхнуться. —И отель заказан...

Тут самолет скакнул в воздушную яму, чуть клюнув носом, и резко накренился вправо. Краем глаза Наташа увидела в иллюминаторе остроконечные горы на горизонте, поползшие куда-то вверх. Ее отвлекло от пейзажа то, что при маневре с полки над передним креслом что-то вдруг сорвалось. Оказалось, какой-то идиот засунул туда недопитую пачку томатного сока. Спереди раздался хрип и кто-то засучил ногами так сильно, что переднее кресло заходило ходуном. Видно, пассажир забыл, что привязан, и попытался вскочить, чтобы оценить последствия для своего костюма. Солвейг сказала задумчиво:

— Нет, определенно нам с вами везет, милая. Вот скажите, у вас была в жизни хоть малейшая надежда познакомиться с женщиной, на которого хоть однажды падал томатный сок?

И обеим отчего-то стало так смешно, что они, сблизившись головами, зажав руками рты, принялись хохотать. Тут включились турбины, и уши заложило.

— Поздравляю, ты прибыла куда надо. Мексика, детка, это родина мира.— Солвейг кричала Наташе в

самое ухо. —Ты идешь к самой себе, детка.— И повторила с напором, как цыганка некогда:— Ты идешь к дому! — Наташе стало чуть не по себе. Потому что ее дом находился как раз в противоположном направлении... Да-да, она цыганка, она ворожит, Наташа ведь — просто по туру...

И тут самолет еще раз скакнул, раздался звук легкого удара под ногами, толчок и — покатили, подпрыгивая, по бетонной посадочной полосе. Русские дамы в салоне дружно зааплодировали, а мужской голос громко крикнул браво! браво русскому летчику! И, пожалуй, это было в последний раз, когда Наташа услышала голос родного патриотизма...

— Вот, возьми мою карточку, детка,— сказала Солвейг и протянула Наташе визитку. — На всякий случай. И не стесняйся, сразу звони, если что-нибудь будет нужно. Что-нибудь будет не так.

И опять Наташа поежилась. Сказала спасибо, спрятала карточку: сначала хотела просто сунуть в сумку, но потом положила в кошелек, рядом с деньгами, будто почувствовав, что карточка эта ей весьма и весьма пригодится... Старуха грузно поднялась, опираясь на палку, Наташа протянула было руку, чтобы ей помочь. — Не надо, детка, — сказала Солвейг О'Хара не без царственности, — я тебя пропускаю... Иди, я всегда выхожу последней...

Уже на трапе Наташа задохнулась от чужого пряного воздуха, зажмурилась от яркого солнца, но и беспокоясь — встретят ли ее, найдет ли она все, что нужно... Но все оказалось на редкость легко: она пристала к веренице пассажиров, что шли к зданию аэропорта, по-

том недолго топталась в очереди к окошку пограничного контроля, где таможенник бегло взглянул на нее и на паспорт и, улыбнувшись, произнес пор фавор, синьора... Наташа несколько струхнула, когда увидела, едва пройдя несколько шагов по залу, довольно флибустьерского вида крепыша со смоляными густыми усами, коричнево-черной наружности, который держал над собой плакат, где по-русски было начертано ее, Наташи, имя. Едва она подошла, как он оскалился хищно и почти вырвал у нее из рук чемодан. Сумку инстинктивно Наташа не стала отдавать.

На ярко освещенной солнцем асфальтовой площади малый чуть не втолкнул ее в обшарпанного вида зеленый фольксваген, еще раз улыбнулся — и дал газу, и все с такой скоростью, будто за ними гнались. Наташа зачем-то оглянулась — быть может, надеялась еще раз увидеть Солвейг, и со стороны аэровокзал показался ей совсем симферопольским. Ну, если бы не пальмы и не огромный герб на фасаде: хищный коричневый орел душит голубую змею. Змею было жалко.

Пока ехали от аэропорта, Наташа видела обок дороги много недостроенных кирпичных домов, как в Подмосковье, но было одно отличие: в домах, по видимому, уже жили. И на каждом доме красовалась большая телевизионная антенна-тарелка. Тарелки были даже на бедных сараях, возле которых сушилось на веревках цветастое белье. Когда притормозили у поворота, Наташа успела разглядеть очень нище, чуть не в лохмотья, одетую девушку-индианку, которая увлеченно говорила по мобильному телефону. Наташа знала, что в Мексике плохо с водой, поэтому ее удивило оби-

лие луж по обочинам. Удивило и то, что многие встречные одеты по-зимнему, в пальто или куртки. По-видимому, нынешняя температура воздуха — двадцать четыре по Цельсию — представлялась им весьма низкой.

В повышенном темпе проходило и ее обустройство в гостинице. Называлась она Hotel Roosevelt, и здесь ее тоже уже ждали. Бой перехватил чемодан у шофера, метрдотель приветливо помахал рукой. Наташа была засунута в лифт, потом проведена пустым коридором, дверь распахнулась, фавор, синьора, она осталась одна.

Номер был несколько странным: он состоял из треугольников и округлостей, и в русском понимании в нем не было прямых углов. Было круглым зеркало, были округлыми светильники в форме раковин. Журчал кондиционер. Жалюзи были опущены, и было полутемно. На кровати, застеленной белоснежным покрывалом, лежали одинокая карамелька и сухой цветок. Наташа присела на краешек, потому что голова у нее кружилась: наверное, началась акклиматизация, решила Наташа. Теперь она чувствовала одиночество и опустошенность. И в растерянности думала: и что — куда теперь?

Глава 17. НЕУЖЕЛИ МЕКСИКА

В это было решительно невозможно поверить. Наташа только что сидела вот точно так на краю своей супружеской кровати в московском спальном районе Митино — на дорожку. Потом полковник подхватил ее

чемодан, погрузил багаж и жену в машину и отвез драгоценный, как он успел ее заверить, груз в Шереметьево-2. Он дождался, пока она миновала таможду, помахал рукой и послал воздушный поцелуй. И у Наташи возникло, вспомнила она сейчас, нехорошее чувство, будто супруг рад ее отбытию, уж больно он подлизывался к ней по дороге... И вот теперь она — в Мексике? Сомнительность ее местопребывания усугублялась тем, что за окнами стояло то же самое утро, что было совсем недавно в Москве.

Что она знала об этой стране? Конквистадоры, сомбреро, индейцы в перьях, коррида, «Симона, ты не можешь так поступить», мачо с длинными черными хвостами на затылках и с пистолетами, «молись, тебе осталось времени выпить последний глоток текилы», песо, много-много голубей на площадях перед готическими соборами, знойные звуки гитары, верховный жрец Кетцалькоатль и пирамиды майя, «Луис, оставь меня, я еду рожать к маме», басанова, три сотни сортов колючих кактусов, Рио-Гранде... Наташа вышла на балкон, чтобы поближе рассмотреть новую страну пребывания.

Окна ее номера выходили не на улицу, а во двор отеля. Сейчас двор пересекала немолодая женщина в бумазейном халате и тряпочных тапочках на босо ногу. В руке она несла красный пустой пластмассовый таз. Не была б женщина такой смуглой, с черными, лоснящимися под солнцем гладкими волосами, вполне могла бы сойти за подмосковную поселянку, только что прищепившую постиранное белье на веревке.

Сбоку грудились какие-то домики с трубами каких-то коммуникаций наружу. В прогалах были видны другие, такие же. Слева Наташа обнаружила странную сцену: на открытой заасфальтированной площадке прилежно репетировали танцевальные движения с десятков трогательных девчушек в белоснежных пачках — молодые веточки, юные побего. Руководила репетицией стройная дама в черном трико. Все происходило беззвучно, а, может быть, музыка была не слышна Наташе, тонула в звуках улицы, которые проникали и сюда. Девочки были того же возраста, что и ее младшенькая... Наташа вздохнула и ушла с балкона, опустила жалюзи и опять задумалась — как ей поступить.

Она развернула конфетку и сунула в рот. И решила, что не ляжет отдыхать, как собиралась. Все надо сделать немедленно, и нечего откладывать: Наташа боялась промедлить и потерять решимость. Она положила липкую карамельку на тумбочку, сбросила одежду, оглядела себя в овальном зеркале. С удивлением увидела, что у нее как будто приподнялась грудь. Она с удовольствием пощупала ее — грудь была твердой и как будто подросла. Потом долго стояла под душем, с удовольствием используя здешний шампунь в маленьких пакетиках, а потом — целых три гостиничных белых махровых полотенца. Переоделась, накрасилась, так сказать, льготно, умеренно, по дневному, как будто шла к себе в институт, — ей казалось неправильным наводить слишком явный марафет, чтобы, не дай Бог, Валерка не увидел, сколь торжественна для нее эта встреча. Проверила — на месте ли записная книжка и деньги, спустилась в холл. Портье приветливо помахал ей ру-

кой, будто они были давно знакомы. Он улыбался самым энергичным способом, шевеля своими черными мексиканскими усами.

— Буэнос динас, синьора, — сказал он.

— Хай, — сказала Наташа, как заправская американка — она ведь не знала, как его поприветствовать по-испански.. — Ай нид а такси, приз. Энд ченд долларс, плиз, сэр.

— Момент, синьора, — откликнулся портье и выставил смуглые руки вперед растопыренными розовыми ладонями, будто успокаивал клиентку. И взялся за трубку телефона.

Разменяв сто долларов — за них она получила солидную пачку желтых и фиолетовых мексиканских бумажек, — курс был один доллар к десяти песо примерно, он значился на электронном табло рядом с электронными же часами — Наташа присела в кресло в холле, рассеянно полистала какой-то испанский журнал с репортажами о серфинге в Акапулько. Конечно, можно было бы попытаться позвонить Валерке по телефону — у них наверняка есть городская телефонная книга. Но нет, звонить она не будет. Она просто приедет. Возникнет, явится, предстанет. Так будет всего эффектнее... Наташе, конечно, было томительно и страшно, но сказывалось возбуждение от перелета, в душе была какая-то странная легкость и зыбкость, — быть может, после выпитой в самолете текилы. И, конечно, предвкушение необычайного.

— Такси взит ю, синьора, — крикнул из-за стойки портье.

— Сенкс, сэр,— отозвалась Наташа, чувствуя себя знатной дамой. Иностранкой. И пошла по ковру, как по подиуму, к стеклянным дверям, и створки расступились перед ней.

Шофер уже держал заднюю дверь такого же зеленого фолксвагена, что привез ее из аэропорта, нараспашку. Может быть, и шофер тот же? Наташа вгляделась. Нет, другой, но что-то странное показалось Наташе в его лице: ах, вот что — этот, на удивление, был без усов. И отчего-то Наташе мельком подумала, что это недобрый знак. Прежде чем влезть в салон автомобиля на заднее сидение, Наташа показала ему раскрытую книжку с адресом. Шофер изучал адрес довольно долго, потом очень внимательно поглядел Наташе в лицо.

— Колониа Дакторис, си? — спросил он.

Наташа не поняла, но сказала си, синьор — на всякий случай.

— Эз каро,— сказал шофер. И прибавил по-испански какую-то фразу, но Наташа ничего не поняла. Было ясно, что водитель не слишком обрадован ее заказом. Или просто в дурном расположении духа. Внутри машины Наташу неприятно удивило, что переднее сидение рядом с шофером было выворочено, а заднее — отделено от шофера решеткой. Не такси, а тюрьма какая-то.

Они покатали. Довольно быстро кончились высокие дома, пошли особняки за узорчатыми коваными оградками, увитыми какими-то вьющимися растениями с розовыми цветочками. Но незаметно кончились и они, и постепенно облик города за окнами автомобиля принял какие-то театральные на вкус Наташи очертания.

Как-то разом иссякла и полиняла краска на стенах зданий, сами дома скукожились и сделались меньше ростом, то и дело стали попадаться витрины, забитые фанерой или закрытые стальными жалюзи, тут и там красовались на облупленных стенах граффити и грубо нацарапанные надписи,— те, что были по-английски оказались, все как одна, непристойными; и не стало видно людей. Только груды мусора, только какие-то обрывки и тряпки, клочки бумаги, пустые банки из-под пепси на булыжнике ставшей узкой улицы... И город Мехико, показавшейся было Наташе нарядным, зеленым и веселым, стал напоминать декорации к английскому мюзиклу по «Оливеру Твисту».

Глава 18. ОПЯТЬ ПЕРВЫЙ МУЖ

Они ехали долго, и Наташа, тревожно глядя в окно автомобиля, стала сомневаться — туда ли ее везут. Машина ехала сквозь натуральные трущобы. К тому же, внезапно исчезло солнце, и за оконный мир предстал просто зловещим, в нем преобладали коричневые тона. И Наташе захотелось сейчас же повернуть обратно и опять оказаться в своем стерильно чистом номере в отеле. Такси то и дело куда-то сворачивало, пока улица не сузилась до ширины комнаты. И Наташа вдруг подумала, что ей отсюда, наверное, уже никогда не выбраться. Ты идешь к дому, вспомнила она прорицание Солвейг, и горько усмехнулась про себя. Да уж, занесло,

так занесло. Интересно, здесь действительно может жить человек...

Наконец, машина остановилась, и водитель указал Наташе на криво висевшую табличку на углу дома. Да, это была та самая улица Мачете, что значилась в ее книжке — только сейчас до Наташи дошел зловещий смысл этого наименования. Наташа выбралась из автомобиля и растерянно и умоляюще сказала водителю:

— Плиз, вэит ми.

— Но, синьора,— решительно сказал водитель и показал на счетчик. Счетчик показывал цифру 90.

Наташа было испугалась величины суммы, но потом, посчитав, сообразила, что с нее причитается только девять долларов. И в своей пачке отыскала бумажку в сто песо. — Ваит ми, плиз,— повторила она жалобно, озираясь.

— Си, си, — сказал шофер и махнул рукой вперед. — Но паса нада.

Наташа поняла так, что нужно идти вперед. Но едва она отвернулась, чтобы окинуть взглядом неуютный грязный проулок, как шофер включил зажигание и двинулся задом в обратную сторону. Наташа глядела ему вслед с отчаянием, пыталась помахать ему, чтоб тот остановился, но шофер смотрел назад, повернув свою безусую голову к ней затылком.

Постояв и решившись, Наташа двинулась вперед, ища нужный дом под номером двенадцать. Очень сильно воняло кошачьей мочой. Дом десять она нашла, но на следующем отсутствовала табличка с номером. Зато были облезлые и шаткие ворота, неплотно прикрытые. Наташа толкнула створку, которая приоткры-

лась ровно так, чтобы можно было протиснуться внутрь. Оказалось, что неприглядный фасад скрывает вполне уютный зеленый тенистый дворик. Разноцветное белье сушилось и здесь, и с бьющимся сердцем Наташа поймала себя на том, что перебирает взглядом мужские рубашки. Которая из них его? Только тут она увидела, что у стены за маленьким столиком сидит по пояс обнаженный индеец в красно-синей бандане, а перед ним — бутылка с какой-то желтой жидкостью. И рюмка. Он разглядывал Наташу ровно так, как смотрят индейцы в кино: зорко, но без видимого интереса, бесстрастно. Наташе стало не по себе. Однако едва они встретились взглядами, как мужчина громко крикнул что-то, по-видимому, обращаясь к кому-то в доме. И налил себе рюмку.

Кажется, индеец крикнул Люсия, но поручиться Наташа не могла бы. Невольно Наташа подняла глаза, и на балкончике дома, куда вела крутая и узкая лестница, она увидела женщину, но не индейского, а явно испанского происхождения. Впрочем, женщина смотрела на Наташу так же молча и бесстрастно, как и индеец.

— Буэнас диас, — вымолвила Наташа и самой себе удивилась, какая прорезалась в ней способность к языкам. Наверное, со страху, только и успела подумать она, как женщина что-то быстро и непонятно заговорила гортанным громким голосом. И исчезла в доме. Наташа снова посмотрела на мужчину: тот пил свою текилу, не обращая на нее внимания.

— Эй, — окрикнули ее сверху. Наташа обернулась, женщина манила ее рукой. Наташа на дрожащих ногах принялась подниматься по ступенькам, а женщина

опять заговорила, причем голос ее звучал раздраженно, даже сердито. Когда Наташа взобралась, наконец, на площадку, сильно запахло тушеными овощами, чесноком и перцем. Наташа увидела, что женщина очень растрепана, халат на ней кое-как запахнут, лицо лоснится от пота: наверное, незваная гостя оторвала ее от плиты. На дряблой темной шее с многими светлыми поперечными морщинами болтались разноцветные стеклянные бусы. Женщина сильно размахивала рукой, не умолкая, а в другой руке у нее была зажата какая-то бумажка, и в эту бумажку она тыкала пальцем. Изредка в возбужденной речи этой дамы Наташе слышалось имя Валера, но, наверное, ей так только казалось. Каким-то образом Наташа поняла, что женщина хочет денег. Она расстегнула сумочку, достала кошелек, протянула женщине сто песо. Та схватила деньги, презрительно фыркнув, окинула Наташу с головы до ног уничижающим взглядом и сунула ей бумажку. И скрылась в дверном проеме, который был завешен пестрой циновкой. Наташа развернула засаленный клочок, спускаясь по ступенькам как во сне. И с трудом разобрала начало: Valery...

Глава 19. ОПЯТЬ СОЛВЕЙГ

Не помня себя, Наташа выбралась на грязную улочку, прикрыв за собой ворота: отчего-то ей сейчас казалось, что здесь, на улице, много безопаснее, чем в этом мало гостеприимном мексиканском доме. Она развернула бумажку, по-видимому, это был адрес, на-

писанный знакомым Наташе почерком. Но она в этой записи ничего не поняла.

Наташа побрела, не зная куда. Скорее всего, думала она, Валерка съехал, причем задолжал за квартиру. Да, не важны были у него дела, если он жил в этих трущобах. Да еще не смог расплатиться...

Наташа увидела распахнутую дверь, за ней ступеньки вели вниз. Наверное, это было кафе. И в кафе наверняка есть телефон. Наташа осторожно и боязливо ступила на лесенку, спустилась вниз и оказалась в темном мрачном помещении. Здесь действительно были расставлены столики, и царил влажный полумрак. Когда глаза привыкли, Наташа разглядела в углу за столиком троих смуглых мужчин, игравших в карты. Все трое повернулись к ней и неприязненно, как ей показалось, на нее смотрели. У Наташи подкашивались ноги, и она опустилась на стул за ближайшим столиком. Один из мужчин поднялся и будто нехотя подошел. И встал перед ней.

— Дринк, плиз, — громко прошептала Наташа — от страха у нее пропал голос. — Дринк, — повторила она.

Мужчина развернулся, подошел к стойке и через мгновение поставил перед ней рюмку, полную до краев. Наташа поднесла рюмку к лицу и, зажмурившись, выпила одним махом. И закашлялась — таким крепким оказалось вонючее пойло: Наташа не сообразила, что дринк означает во всем мире пить алкоголь, а вовсе не воду, которую она пыталась попросить. Мужчина стоял над ней, ухмыляясь.

— Вотер, плиз, — выдавила Наташа.

И мужчина, будто сжалившись, принес ей стакан воды. Вода была тоже отвратительного вкуса, но и ее Наташа выпила одним махом. — До ю хэв зе телефон? — спросила Наташа. — Ай нид э тэкси...

— Тэн долларс, — сказал мужчина и показал ей растопыренные пальцы на обеих смуглых пятернях. Наташа достала из сумочки сотню песо и отдала ему, понимая, что ее грабят. И вдруг ужаснулась, что забыла, куда дела Валеркину бумажку. Она перерыла сумочку, потом спохватилась — мятая бумажка нашлась в правом кармане ее юбки. Наташа вздохнула с облегчением, спрятала бумажку в сумочку. Хозяин тем временем выставил телефонный аппарат на стойку бара. Наташа разыскала карточку Солвейг, подошла к стойке, инстинктивно прижимая сумочку к груди, набрала номер. Лишь бы она была дома, лишь бы была...Наташе сейчас казалось, что только Солвейг может ее выручить. И ей повезло — после четвертого гудка она услышала в трубке голос своей подруги по перелету.

— Солвейг, — прошептала Наташа.

— Что, детка, у тебя уже начались проблемы?

— Да... то есть, нет. — И Наташа вкратце изложила ситуацию.

— Да, угораздило же его туда забраться, — подвела итог Солвейг. — Ты говоришь из бара? Кажется, тебя приняли за самку гринго. Дай трубку бармену, — приказала Солвейг.

Наташа подняла глаза и к своему изумлению увидела, что бармен улыбается. — Русо, си?— сказал он.

— Си, си,— заулыбалась Наташа от счастья. И краем глаза заметила, что мужчины в углу тоже улыбаются ей.

Бармен взял трубку и четырежды повторил си, синьора. Потом отдал трубку Наташе.

— Слушай меня, детка. Сама я, как ты понимаешь, не вожу машину.—Наташа только сейчас вспомнила о ее костяной ноге. — Но у нас есть друг, он приедет за тобой. Именно он, потому что он хорошо говорит по-русски. В баре тебе оставаться не следует. Бармен ответит тебя в ближайшую церковь. Жди там и ни шагу. Сейчас службы нет — просто присядь на скамейку и жди. Дашь бармену пять песо.— И Солвейг дала отбой.

— Плиз, русо синьора, — сказал хозяин, еще шире улыбаясь.

— Адъёс, — хором и весело крикнули оба мужчины из-за дальнего столика.— Адъёс, синьора русо!

Глава 20. ОПЯТЬ В ХРАМЕ

Они прошли несколько кварталов, свернули направо и оказались на небольшой площади. Здесь стояла небольшая, как и сама площадь, церковь, а вот голубей не было — наверное, их съели кошки, которые шныряли повсюду. Как и улицы, по которым они шли, площадь тоже была вся в мусоре. Провожатый открыл тяжелую дверь, пропустил в нее Наташу и — исчез, не перекрестившись. И деньги Наташа не успела ему вручить — впрочем, она и так уже ему заплатила...

В церкви было прохладно и темно. Яркое уличное солнце, преломляясь в витражах, смутными цветными бликами падало на каменные плиты пола. Приглядевшись, Наташа обнаружила в другом конце храма алтарь и раскрашенное распятие, на котором, свесив набок голову, висел почти голый, в одной набедренной повязке, и очень худой Христос — совсем темный, как если бы он был негром. Наташа когда-то была в Риме, и на экскурсии по Ватикану группе дали двадцать минут на осмотр Сикстинской капеллы. Там Христос, вершивший Страшный суд, был принаряжен в какую-то тунику с перевязью. У него оказалось довольно атлетического сложения тело, бугристые икры и толстые ляжки. Его мощная фигура подавляла роящихся у подножья престола маленьких грешных людишек, на каждом из которых были только бордовые трусики, похожие на детские... Наташа тогда еще подумала, что это довольно странно — Страшный суд, все-таки, а не олимпиада.

Костел был отчасти похож на лекционный зал. Рядами стояли скамейки, отчего-то красные, как в Малом театре. Наташа и решила сначала, что они обтянуты то ли бархатом, то ли плюшем, но нет, они были деревянные и голые, просто покрашены красной краской. Наташа неловко перекрестилась в сторону распятия, — она знала, что христианин независимо от конфессии может молиться в любом христианском храме, — смиренно присела на краешек крайней скамейки и принялась думать.

Так, завтра — Новый год, то есть сегодня тридцать первое число. Странно, но в городе не заметно было никаких приготовлений к празднику. Должно быть, мексиканцы празднуют лишь католическое Рождество,

а Новый год для них не праздник, ведь здесь не растут елки. И очень далеко до Лапландии, где по слухам живет Дед Мороз... Если бы Наташа курила анашу, то поняла бы, что поймала кайф, словила приход, как говорят друзья старшей,— такое у нее было состояние.

Со стороны алтаря ей почудился какой-то шорох, она оглянулась, но нет, Христос висел себе смирно, не шелохнется. А больше никого не было: только она и Спаситель. Наташа еще раз перекрестилась, и подумала, что скоро православное рождество — по старому стилю. А там и святки, а потом в России будут святить воду на Крещение. И купаться в прорубях. Как это называется — иордань... И вдруг впервые она поняла, как далеко она сейчас — от родины. И как она одинока в этой чужой стране, где даже Новый год не празднуют по-человечески. И что никто ей не подарит подарков. Наташе стало так жаль себя, что она прослезилась. И тут же сделалось лучше. Где же ты, Валерка, бедный, бедный мой, сказала она шепотом и с испугом услышала в ответ тихое-тихое эхо ее слов, мигом умершее где-то под сводами храма.

Она вспомнила, что согласно программе ее тура второго числа ее повезут на какой-то остров в Карибском море. Назывался остров Косумель. Красивое имя для острова, сонно подумала Наташа, похоже на форель. Интересно, есть ли там в океане акулы. В конце концов, действие фильма Челюсти происходило где-то здесь, на берегу Мексиканского залива... После этого смутного воспоминания — она очень давно смотрела этот фильм на видео — Наташа задремала.

Ей начал сниться сон. Ей приснилась бабушка Марья Петровна Стужина. Одно время после своей смерти бабушка очень часто снилась Наташе, грозила пальцем, о чем-то предупреждая: Наташа понимала, что душа бабушки еще не успокоилась, болеет о внучке, старалась слушаться. Но сейчас бабушка была весела. Кажется, они ехали в поезде, и бабушка что-то показывала Наташе в окне, лукаво улыбаясь. Наташа выглянула и увидела бескрайнюю глиняную пустыню, в которой кое-где торчали елки. Некоторые были наряжены и мигали разноцветными лампочками. Но как-то внезапно деревья стали обглоданными и желтыми. И Наташа поняла, что это не елки, а кактусы, и с сожалением проснулась — ей хотелось досмотреть сон, узнать, что будет дальше, и куда бабушка ее везет...

На самом деле она проснулась оттого, что на нее смотрели. Открыв глаза, она увидела сидящего на скамейке перед ней немолодого господина с маленькими очень черными и лоснящимися, будто подкрашенными, усами, как у Чаплина, и красивой сединой, тоже как у актера. Наташа еще успела подумать, что это следующая серия сна и что, по-видимому, в Мексике и сны тоже снятся во многих сериях. Она улыбнулась — самой себе. Но господин, который внимательно изучал Наташу своими черными, навывкате, умными глазами тоже улыбнулся, отнеся, наверное, сонную Наташину улыбку на свой счет.

— Где я?— спросила у него Наташа.

— Добро пожаловать в страну ацтеков,— внушительно отвечал господин на чистом русском языке, вперив в нее черный взгляд. Но ответ не понравился Ната-

ше: выходило, что это не она сама, как заправский конквистадор, добралась до этой страны, а этот вот незнакомец ее сюда привез — так по-хозяйски он себя вел. И вообще — в нем было что-то театральное выпреннее. Выпендривается, объяснила себе Наташа дочерним языком. Ей отчего-то этот господин показался не искренним. А потом — отчего он так ловко шпарит по-русски, коли он мексиканец?

— Буэнос диас, — задиристо сказала Наташа, понимая, что, кажется, проснулась. И просто представилась: — Наташа..

— Виктор Карерас, — сказал господин. — Адвокат, дипломат, писатель....

Все ты врешь, подумала Наташа, еще и писатель. Ишь, какой павлин. И странно, что он представился так неофициально, без отчества, подумала она, но тут же сообразила, что в Мексике, должно быть, нет отчеств. Да и она не назвала своего — Ардальоновна. И представилась еще раз:

— Наталья Брезгина. — Помедлила и добавила: — Историк, доцент.

— Прошу, — сказал синьор Карерас и повел рукой.

— Спасибо, — сказала Наташа не без вызова.

И они пошли вон из храма, и новый знакомец деликатно поддерживал Наташу под локоток.

Глава 21. ВИКТОР И СОЛВЕЙГ

— Что ж, — говорила Солвейг О'Хара, разглаживая Наташину бумажку на стеклянном журнальном столике, посередине которого стояла разрисованная загадочным

серым орнаментом огромная черная, как камень, керамическая миска с земляными орехами. — Далеко он забрался. Это на самом Севере, детка, ближе к американской границе. А разрешения для посещения северных мексиканских штатов у тебя наверняка нет.

— Нет, — согласилась Наташа, вспомнив вопрос в агентстве, который ей задали и который ее так удивил.

Они втроем сидели в гостиной апартаментов Солвейг в небоскребе, расположенном на холме в одном из самых фешенебельных районов мексиканской столицы. Стена гостиной была стеклянная, и город был виден, как в телевизоре. Помимо миски с орехами на столе были, конечно, и рюмки, и лимон, и соль, и бутылка золотой текилы. Текилу ведь можно пить всегда, до, во время и после, — это Наташа уже усвоила. Одно было плохо: сейчас она на текилу смотреть не могла, ее мутило и, кажется, расстроился желудок. Должно быть, давала о себе знать та мутная и вонючая вода, что принес ей бармен. Ох, если б он заранее знал, что она русо, принес бы, наверное, минералки...

Но как ни дурно было Наташе после пережитого в Дакторис Колония — она отдыхала. Хоть и чрезмерно велика была гостиная, по-иностранному огромен экран плоского телевизора и кудрява береза в кадке, стоявшей на пластиковом полу, в квартире Солвейг было прохладно и уютно. Забавно, думала Наташа, чтобы отвлечься от неприятностей с желудком, у нас наоборот — в кадках растут как раз кактусы, а березы — на свежем воздухе.

— Русской синьоре полезна была бы неделька на океане, прежде чем пускаться в пампасы, — сказал Вик-

тор. — Вы, Наташа, как бы это по деликатнее выразиться, несколько зеленого цвета. Не сердитесь, но вы, кажется... как это по-русски... испили нашей водопроводной воды?

— Да, — призналась Наташа. — Испила. И воды, и вашей текилы.

— Ну, детка, текила еще никому не вредила, — вмешалась Солвейг. — Виктор, возьми у меня в спальне лекарство. Ты знаешь, там, в верхнем ящике тумбочки... Что ж, я не успела тебя предупредить, у нас никак невозможно пить воду из-под крана... — Но как только Виктор вышел бесшумной походкой, Солвейг положила свою полную руку с фиолетовым маникюром на руку Наташи и сказала, понизив голос почти до шепота — Виктор очень влиятельный и полезный человек, детка. И очень добрый. Будь с ним поласковее.

Виктор принес лекарство, Наташа по настоянию Солвейг выпила сразу две таблетки, и ей показалось, что стало легче. Хотя с такой скоростью таблетки никак не могли помочь.

— А теперь, — сказала Солвейг, — оставь адрес у меня, я сверюсь с картой и уточню твой будущий маршрут на север. Если хочешь, приляг — тебе было бы полезно чуть подремать...

— Нет-нет, я пойду. К себе в отель. — Наташа хотела сказать это решительно, но сама поймала себя на том, что прозвучали ее слова как-то жалобно.

— Понимаю, детка. Постарайся заснуть. Имей в виду, у тебя завтра перелет на Косумель. С наступающим!

И ведь правда — Новый год, подумала Наташа.

И все трое чокнулись.

— Как говорят русские: с Новым годом — с новым счастьем! — сказал Виктор — он говорил по-русски так тщательно и точно, что в этом слышалось что-то искусственное и намеренное... Когда он довез ее до отеля, Наташа еле держалась на ногах. Виктор довел ее до дверей номера. Склонился было, чтобы поцеловать руку, но тут Наташа пошатнулась. Она сделала отстраняющий жест, ввалилась в номер и упала на кровать. Виктор тихо прикрыл дверь. Наташе было так плохо, что перед тем, как заснуть, она успела подумать:

— Ну, хорошо. А если бы я умерла. Если бы меня просто больше не было на свете. Они бы справились без меня, ведь так? Обе уже взрослые, почти взрослые, и у них есть хороший добрый отец. А я бы спокойно умерла — в конце концов и это можно пережить... Надо бы позвонить им, я обещала Володе позвонить, едва прилечу, да, позвонить и рассказать...

Но как звонить отсюда — она не знала, да и не могла бы при всем желании даже набрать номер: у нее не шевелились ни руки, ни ноги. Да и что бы она могла рассказать...

— А я умерла, исчезла, пропала,— твердила она шепотом, понимая, что у нее повысилась температура, и, кажется, начинается бред. Но вскоре она все-таки заснула. Хотя по мексиканскому времени не было и пяти часов дня. И проснулась только ранним утром дня следующего — посвежевшая, странно бодрая, — желудок налачился,— и, как это ни было нелепо, в предвкушении праздника и неведомых подарков. Конечно же, Господи, ведь сегодня — Новый год!

И тут же раздался звонок. Это была Солвейг. — Ты готова, детка?

— А что, уже пора?

— Виктор сейчас заедет за тобой. Он будет через десять минут. И отвезет тебя в аэропорт.

— Но у меня же трансфер.

— Не валяй дурочку, детка, — сказала Солвейг с мягким нажимом. — Виктор не такой человек, чтобы просто так — как это по-русски — транжирить свое время. Отказываться нельзя. Желаю тебе счастливого праздника. И хорошего моря на Косумеле. Это райское место, поверь, ну да ты сама там быстро освоишься, — прибавила она несколько игриво, как показалось Наташе. — Будь счастлива и не глупи. Позвони мне из отеля. Твой маршрут на север будет совсем готов, — прибавила она опять не совсем по-русски и как бы заговорщицки. — Целую, детка!

Солвейг дала отбой, а Наташа подумала, как ей все-таки везет. Вот так, случайно в самолете она обрела такую заботливую подругу. Которая в случае чего придет на помощь, которая приняла близко к сердцу ее проблемы. Ведь одна бы она не справилась. Да, путешествие началось на диво удачно... И Наташа сплунула через левое плечо и постучала по тумбочке.

Глава 22. НЕУЖЕЛИ ОСТРОВ

Так Наташа никогда не жила.

Так богато и комфортабельно. И так бездельно.

Кроме двери в коридор была и вторая — она выходила в сад, где стояли плетеные столик и пара стульев с подлокотниками. А на столике — скромная вазочка со свежими неведомыми цветами. Наташа вышла в сад и уселась в кресло. Прямо над ее головой и перед ее глазами на ветках неведомых деревьев висели какие-то спеющие плоды, лимоны не лимоны, апельсины не апельсины, а в глубине ветвей спали неведомые птицы. Наташа, воровато оглянувшись, сорвала один, ковырнула крепкую кожу, и плод разломился с живым хрустом, и на Наташины пальцы пролился зеленоватый сладкогорький сок.

Прямо из этого садика можно было попасть на широкий белый песчаный пляж, на котором были заметны небольшие летучие барханчики. По пляжу изредка проходили загорелые мужчины с золотыми цепочками на волосатой обнаженной груди и в цветастых шортах до колен. Улыбаясь, они показывали большие хищные белые зубы. Женщин видно не было. Там, за пляжем, не сильно, но с отчетливым звуком прибоя, плескался искрящийся океан; в воздухе пахло лавровым листом и гвоздикой. И апельсиновым сиропом. Таким, наверное, если она умрет, будет ее рай.

Наташа думала о том, как это странно: не такие уж большие усилия по преподаванию русской истории позапрошлого века могут быть так вот чудесно конвертируемы и вознаграждены. В конце концов, она потратила не великие суммы за такое вот неземное удовольствие и дыхание. На родине за те же деньги можно снять лишь неуклюжий номер в ближнем Подмоскowie с отсутствующей горячей водой, с пахнувшим вонючей ди-

зенфекцией туалетом и неработающими розетками. К тому же, в столовой тебя наверняка обхамят, потому что пузырек горчицы полагается один на пять столов. А попросив себе дополнительный, ты навлечешь на себя шквал здорового столовского гнева, после которого никак не запихнуть в рот голубцы из прошлогодней капусты... Наташа хотела было пофилософствовать на тему, отчего у нас в России мы, коренные обитатели своей земли, не умеем пребывать на ней в свое удовольствие. Точнее, отчего у нас повышается настроение только в случае, если мы испортим настроение окружающим согражданам. Обломаем им кайф, на дочернем языке... Но думать о далекой сейчас родине отчего-то совсем не хотелось. Напротив, как-то отчетливо и явно хотелось именно жить.

Тут Наташа вспомнила, что у нее в расписании курортной жизни как раз сейчас запланирован завтрак. После которого она выйдет в город — как он называется, кажется, Сан-Мигель — и купит купальник. В этом сезоне в моде закрытые, она прочитала в Cosmo. Но с голым животом. И хорошо, если на груди будет подложено чуть параллона. Пусть купальник будет василькового цвета, фантазировала Наташа. И две-три густо синих вертикальных полосы. Именно вертикальных, тогда она будет казаться стройнее. Она станет стройнее, а потом нырнет в океан. У рифа Паланкар, что в проливе, отделяющем остров от материка, где, сказал ей Виктор, когда вез в аэропорт, можно разглядывать под водой прекрасных цветных рыб и туда не заплывают акулы. Да, и не забыть соломенную шляпу. И крем для загара. Хватит ей шести дней, чтобы приобрести этот золоти-

стый оттенок кожи, которым всегда отливают ее первый дачный загар, когда поздним маем она сажает цветочную рассаду?

Наташа наметила себе эту программу, уже выйдя на тенистую застекленную веранду, где прямо из пола росли пальмы и где был накрыт шведский стол с огромным блюдом красно-оранжевых апельсинов посередине, сложенных пирамидой. Она нацелилась на хрустящий крауссан, на персиковый джем, на половинку авокадо и на бразильский растворимый кофе. Никакого масла, никакой ветчины! Быть может, только чуть козьего сыра... Здесь было уютно, на удивление чисто, скатерти — белоснежны, улыбчив коренастый пожилой метрдотель в черном, как у пастора, сюртуке, застегнутым под горло, — попик, подумала умиленная Наташа, — и даже гул столовой не отвлекал от мечтаний. До тех пор, пока Наташа не поняла с некоторым даже ужасом, что вокруг нее звучит преимущественно русская речь.

Прочие постояльцы отеля были, возможно, немцы, возможно французы, австрийцы или чехи, они ели свой завтрак неслышно, почти молча, лишь изредка тихо переговариваясь, и даже их маленькие дети вели себя вполне чинно, не мазали джемом скатерти, не протыкали ножами апельсины и не ползали под столами между чужих ног. Соотечественники же были, как сговорившись, бездетны и перекликались так громко, будто заблудились, пойдя по грибы. Кажется, иностранцев, несмотря на обилие детей, живет на белом свете все-таки много меньше, чем нас, русских, подумала Наташа... Не допив кофе, она сбежала в поселок.

Наташа решила отойти подальше от моря и от набережной с ресторанчиками и нарядными сувенирными киосками и, лишь когда обнаружила на веревках, протянутых поперек узкой улочки, неперемное для простой мексиканской жизни, как она уже убедилась, разноцветное белье, умерила шаг и стала разглядывать витрины лавчонок. Такой ее вдруг обуял демократизм — быть может, из неосознанного протеста против буржуазности апартаментов Солвейг и золотых аксессуаров Виктора. Впрочем, Наташа ведь всегда оставалась провинциалкой.

В лавочках за ничтожные деньги продавались пляжные вещицы, грудились банки и тюбики с самыми разными кремами — для загара, от загара, после загара, — а по углам виднелись какие-то дешевые сувениры, маски и перья. И в каждой в углу стояла коробка с грудой перепутанных туфель, сандалий и шлепанец, и черным фломастером на картоне было выведено 10,— наверное, нужно было долго рыться, чтобы найти в этой свалке подходящую пару... В одной лавочке Наташа заметила обок на прилавке несколько раскрашенных маракас. Наташа выбрала именно эту лавочку еще и потому, что в витрине стоял на правой ноге маленький золоченый ангел с крыльями: изящную левую ножку ангел по балетному отставил назад, а правой протягивал, приподняв над правым крылом, золотой лавровый венок. Будто хотел дотянуться и увенчать Наташину голову. Здесь был прикуплены и цветастые шорты, и маечка с американской надписью на груди Shut up, и купальник, и шлепанцы, и крем, и — главное достижение — широкое соломенное сомбреро с цветными ленточка-

ми. Когда Наташа расплачивалась, она заметила, что хозяин был как будто разочарован, и только позже догадалась, что он был расстроен тем, что покупательница и не думала торговаться... Ну вот, она стала курортницей, и, примеряя шляпу, очень понравилась себе в мутном зеркале, загаженном мухами.

Риф, впрочем, Наташа не стала искать, а устроилась на пляже отеля, напротив собственного номера. Она взяла из дома шезлонг, установила его под большим бело-красным зонтом с надписью Malboro. И, пока мазала себя кремом, все озиралась вокруг, не в силах смириться со всей этой красотой, но и зная, что все это ей не снится, потому что была, мы знаем, реалисткой.

По пустынному пляжу носилась стайка мелких беспородных бродячих собак. Судя по их игривости, они тоже были довольны курортной жизнью. Наташа следила за ними: молодая сучка во все лопатки улепетывала от навязчивых женихов. Поравнявшись с сухим деревом, сучка прыгнула на нижнюю ветку и мигом забралась наверх, как кошка. Ухажеры же чинно расселись в кружок вокруг ствола. Тут Наташа заметила, что чуть поодаль полулежит на песке, опираясь на локти, молодой парень, и пристально смотрит на нее сквозь большие пляжные зеркальные очки. Сомнений не было — Наташа ему понравилась.

Наташа отвернулась, встала и независимо пошла к кромке воды, покачивая бедрами. Парень тоже поднялся на ноги. И краем глаза Наташа заметила, что под плавками между ног у него виднеется неестественно внушительный бугор. Боже, неужели при взгляде на ее фигуру он сразу так возбуждился? Наташа порозовела,

чуть испугалась и, даже не потрогав кокетливо ножкой воду, побежала вперед по мелководью, а потом упала в воду животом. Вода была почти горячей. И Наташа поплыла, то и дело ныряя, но никаких рыб не увидела — у нее не было маски. Да и не очень-то смотрела на них, потому что гадала о том, как могла она на расстоянии так понравиться этому статному красивому смуглому мексиканцу. Простодушная Наташа не знала, что парень этот — из пляжных жиголо, которые продают себя состоятельным немолодым иностранкам. И что в плавки у него заложена специальным образом сложенная ткань — для объема... Но выйдя на берег, Наташа парня уж не застала: он был разочарован, потенциальная клиентка то ли не сообразительна, то ли не одна, и скорее всего — судя по самому дешевому и не модному прикиду — не имеет денег.

Что ж, подумала несколько разочарованная Наташа, вытираясь полотенцем и погружаясь в кресло, так и буду сидеть, и никто мне не нужен. Она прикрыла глаза и подставила лицо солоноватому мягкому ветерку, чуть ощутимыми порывами доносившемуся с океана. И никуда не пойду, буду отдыхать. Собственно, идти ей было ровным счетом некуда. Разве что на обед. И Наташе неожиданно, уже сейчас, не прошло еще и полдня ее отдыха, стало скучно. Потому что в течении многих и многих лет у нее не было ни минутки, когда б она ничего ровным счетом не делала. И еще потому, что тот парень не дождался, пока она наплавается всласть... Я здесь теряю время, сказала она себе. По привычке она чувствовала, что ей непременно нужно куда-то торопиться. Ведь мне еще столько предстоит...

Знала бы Наташа, насколько на сей раз она была права.

Глава 23. И ОТЕЛЬ

Потому что после обеда в салоне, — так называли обитатели отеля пиано-бар, отделенный стеклянной стеной от столовой,— Наташа обнаружила наряженную елку. Конечно, это была искусственная елка, но с ярким серпантинном, блестящими огромными гламурными шарами и перевитая гирляндой разноцветных лампочек. В укромном месте, на основании веточки, у самого ствола Наташа обнаружила даже кокетливого зайчика на прищепке-ноге, а под елкой — Санта-Клауса в красном зипуне, с белой бородой и с мешком за плечами. Наверное, он прибыл сюда по туру, как и я, подумала Наташа и развеселилась.

Она зашла сюда выпить кофе и съесть мороженого. И нашла на столике извещение, написанное по-английски, что вечером здесь состоится встреча Нового года — подарок администрации дорогим гостям. Впрочем, дорогими, по мнению Наташи и судя по цене на кофе, были не постояльцы, а скорее сами хозяева.

Но так или иначе — это было к месту. Наташа тут же принялась продумывать, в какое именно платье ей следовало бы нарядиться. У нее было одно вечернее, но интуиция ей подсказала, что здесь, на курорте, это будет скорее всего перебор. Так и не приняв решение, она сообразила, что потихоньку подсмотрит, во что облакуются другие отельные дамы — тогда и решит.

С собой в бар Наташа захватила путеводитель по Мексике на английском языке, позаимствованный в большом стеллаже в холле. Здесь было много красивых, с золотым тиснением разных справочников, альбомов и описаний — дорогих, с цветными иллюстрациями, по-немецки, по-английски, по-французски, даже по-польски, но вот по-русски ничего не было. Однако, национальная гордость Наташи не слишком пострадала, потому что на одной из полок, как бы в компенсацию, она обнаружила произведение своей соотечественницы Полины Дашковой на немецком языке под оксюморонным названием Русская орхидея. По нашей русской привычке Наташа слегка удивилась, как все это богатство постояльцы еще не сперли.

Наташа принялась листать путеводитель, и обнаружила, что Мексика — весьма большая страна, крупная на севере, где над ней нависли толстым задом, грозя придавить, США, и с носом крючком вниз налево, который будто принохивается к маленьким Белизу с Гватемалой. Еще больше удивило Наташу, что знаменитая на весь мир американская Калифорния, с серфингом, постаревшими хиппи, гомосексуалистами, Голливудом, виллами Беверли-Хиллз и губернатором-терминатором, который, как утверждал ее аспирант-грузин, непременно станет президентом, на самом деле вовсе не американская — США досталась лишь маковка полуострова на севере, — а принадлежит в основном Мексике...

Но новогодним видам отеля на Наташу было не суждено сбыться. Потому что, когда Наташа вернулась в номер, она обнаружила в вазе огромный букет алых роз. Она было решила, что розы тоже — от админист-

рации, но заметила записку. Это была большого формата карточка, на которой был нарисован тот же, такой знакомый Наташе, увитый новогодней гирляндой кактус. Мигом у нее задрожали руки и задрожали глаза: как он меня нашел, как, как?.. Но из текста на обратной стороне она с разочарованием уяснила, что розы ей прислал Виктор. Его подпись стояла под фразой, написанной по-русски и с витиеватыми росчерками: уверенный, что вечер удастся хорош. Говорил Виктор по-русски лучше, чем писал.

И тут же резко — Наташа вздрогнула — зазвонил телефон, как-то неприятно дребезжа и сипло подренькивая. Она взяла трубку.

— Наташа? Вас ждет обед в ресторане на втором этаже отеля Эльсинор. — И раздались гудки.

Удивляясь самой себе, она вдруг заволновалась, заторопилась, заметалась. Конечно, это был Виктор, но какая-то сумасшедшая, нелепая, невозможная надежда притаилась в ее колотящемся сердечке: а вдруг это он? Могла же Солвейг дать телеграмму — адрес-то у нее, — мог же Валерка прилететь... Ну да, спрыгнуть с парашютом, сакрастически оборвала она себя, продолжая верить в небсбыточное... И уже через четверть часа, в вечернем платье, дыша духами и туманами, как они с Нелькой это называли когда-то, Наташа входила в роскошный зал ресторана — с фонтаном посередине, — чуть недовольная собой, что пришла чересчур быстро. Скажу — проголодалась, наивно решила Наташа.

Виктор встал ей навстречу, он был ослепителен. Таких мексиканцев надо помещать на обложки туристических проспектов или живьем пускать по залам тури-

стических фирм. На нем был бежевый, цвета глины, пиджак без нагрудного кармана — у нас такой китель иногда носил депутат Маслаковский, автор Указа. Пиджак имел по бортам два ряда — по три в каждом — крупных декоративных медного цвета пуговиц, не предполагавших застегивания. На брюках, которые лежали густыми складками на лакированных медного же цвета штиблетах, были коричневые лампасы. Что делало их обладателя чуть похожим на швейцара. Под пиджаком — того же, что и костюм, цвета глухо застегнутый жилет, под жилетом — белоснежная накрахмаленная сорочка, а вместо галстука — шелковый красный шарф, повязанный бантом. Виктора можно было рассматривать, как танцора диско: скажем, пуговицы на пиджаке были неодинаковые — чем выше, тем крупнее, пуговицы на жилете были сгруппированы по три, и между каждой тройкой оставался зазор, а по алому банту были рассеяны мелкие какие-то беленькие пиктограммы. Он протянул Наташе смуглую холеную руку со скромным золотым перстнем с печаткой на среднем пальце. Сраженная этим театральным шиком, Наташа тоже протянула руку — для поцелуя. Виктор склонил голову — волосы соль с перцем, ровный пробор, и за время довольно долгого поцелуя Наташа уловила волнуемый горьковато-томный запах его духов. Она осела на подставленный стул. Официант выдернул из серебряного ведерка потную бутылку шампанского, которое тут же запенилось в Наташином бокале.

Глава 24. ВИКТОР

— И что же все это значит?— выговорила Наташа, поперхнувшись шампанским, которое оказалось очень сухим и ледяным. А Наташа ведь любила с общежитских еще пор — полусладкое.

— Наш друг поручила мне вас развлечь,— отвечал кабальеро.

— Что ж, постарайтесь, если получится,— наглова-то бросила Наташа, несколько уязвленная тем, что Виктор всего лишь выполнял поручение Солвейг, а вовсе не подчинился собственному романтическому порыву.

Он сухо продолжил:

— Вот вам разрешение на пребывание на севере. И вот карта с вашим маршрутом — Солвейг просила вам передать.

Наташа развернула карту: это был очень отчетливый план, нарисованный от руки. И приписка: помни, индейцы тараумара не говорят по-английски.

— Спасибо. Но отчего такой... такой мексиканский принц слушается старую чужую женщину, как евреи родную маму?

— Я многим обязан ей,— просто сказал Виктор. — Однажды в Москве она спасла мне жизнь. Ну, вы понимаете, дипломатические миссии зачастую сопряжены с риском... Старая история, как-нибудь потом можно будет вернуться к этой теме... Но не хотелось бы... — Он взглянул на Наташу как бы проверяя, понимает ли она его.

Как ни далека была Наташа от этих сфер, ей хватило сообразительности понять, что за миссия была у Вик-

тора в России. Шпион, этого мне еще не хватало, сказала она себе.

— Скажите, Виктор, только честно, отчего Солвейг так носится со мной? Она, конечно, весьма... необычная женщина. Но, в конце концов, мы едва знакомы....— Наташа вспомнила, как Солвейг, внешне такая снисходительная, всплеснула руками и воскликнула по-испански, когда увидела Наташу, которую Виктор нашел в храме, на пороге своего дома аве Мария, гратиа плена, что Наташа перевела по-русски слава Богу...

— Ну-у.., — протянул Виктор и достал золотой инкрустированный какими-то цветными камушками портсигар, — ...вы позволите?

— Курите на здоровье, — процедила Наташа, начиная не на шутку злиться. Потому что она привыкла все понимать, ценила ясность и точность, иначе не надо и думать заниматься наукой. А тут один туман. И небезопасный туман, мнилось теперь Наташе.

— Ну, во-первых, вы ей нравитесь... да. — Появилась и золотая зажигалка, и Наташа невольно загляделась на отполированные, овальные, розовые с фиолетовым оттенком ногти мужчины. — Но это, конечно, не все, — продолжал он. — Думаю, вы подкупили ее своей историей... Знаете ли, к старости люди делаются... как это сказать... сентиментальны.

— К старости делаются глупыми и эгоистичными, — отрезала Наташа, вспомнив свою свекровь Фиру, на которую самым странным образом Солвейг внешне была чуть похожа.

Виктор, казалось, не услышал ее. Он затянулся, выпустил ароматный дым и продолжил:

— А Солвейг к тому же осталась добра. Так вот, нечто похожее на ваш случай было у Солвейг в молодости.

— На мой случай?

— Ну, в некотором роде. Наверное, она тоже хотела бы увидеть своего первого мужа.

— И что же ей мешает?

— Он умер молодым много лет назад. На ее руках. Точнее, положил голову ей на грудь, обнял ее за шею, вздохнул — и умер.

— Ужасно,— сказала Наташа, притворно хлопая глазами. Но и подозревая, что ее, как выразился бы Валерка, парят.

— Они ходили в одну и ту же школу. На Чистых прудах. Вы москвичка?

— Нет, — ответила Наташа с запинкой. — Но живу в Москве последние двадцать пять лет.

— Москва — красивый город, — дежурно заметил Виктор. — Что будете есть? Может быть, для начала что-нибудь рыбное?

— Да... что-нибудь легкое... на ваше усмотрение...

Виктор повернулся к официанту, который так и стоял у них за спиной. Тот позвал метрдотеля... Красива ли Москва? Наташа не любила этот город. Как хорошо встать спиной, наконец, к кондитерским храму Василия Блаженного и павильонам ВДНХ, к чудовищным византийским сталинским высоткам, к мелкому дурно одетому люду, вечно ждущему троллейбуса по всему грязному Садовому кольцу, к пирогам с капустой, ко всей этой никакой не социалистической и не капиталистической, а торгашеской и мещанской Москве, о чем гово-

рит и ее новая архитектура... А лицом повернуться на юг, к чарующей и пышной, пылающей Мексике, барочной, а никакой не готической, как отчего-то пишут в Советском энциклопедическом словаре. Мексика — родина мира, так, кажется, говорила Солвейг Наташе в самолете...

Перед их столиком стоял метрдотель. В каждой руке у него было по чудовищу. Кажется, это были огромные лангусты. Чтобы продемонстрировать, что они еще живые, метрдотель ловко нажимал им на глаза — и твари поднимали и опускали плоские зазубренные хвосты.

— Который глядит на синьору? — спросил Виктор.

— Этот вот... Нет, тот.

— Гриль? Или духовка?

— Г-гриль,— ответила, запнувшись, Наташа, — но я же такого не съем.

— Как это говорят русские — запросто. — И Виктор что-то сказал метрдотелю. Тот повернулся и понес прочь этих еще живых морских гадов, раскрашенных природой в серо-зеленые с красным тона. И тут Наташа вспомнила, что утром вдоль пляжа, где она нежилась в шезлонге, длинной вереницей проплыли рыбацкие лодки. Может быть, именно они и поймали Наташе на обед лангуста?

— Синьора будет запивать лангустов шампанским? Или спросить белого вина? Советую попробовать нашего калифорнийского...

— Валяйте, попробуем. И, знаете что, Виктор, перестаньте надо мной подтрунивать. И зовите просто — Наташа.

— С удовольствием. И вы еще не знаете — с каким.

Глава 25. С НОВЫМ ГОДОМ

Им подали большую деревянную подставку с соусами в изящных розетках, уксусом и оливковым маслом, им принесли две дюжины запеченных устриц и белого калифорнийского вина — на закуску. Устрицы были восхитительны, соусы очень остры, а холодное калифорнийское отдавало на вкус Наташи крымским мускатом.

Потом дошла очередь до лангустов, и Наташа удивилась, как скоро они были приготовлены. Тут за столом состоялся хирургический семинар — так показалось Наташе: Виктор учил ее есть лангустов. Собственно, с панцирем и клешнями Наташа справилась самостоятельно: отец с детства брал ее на Шарташ ставить верши на раков. Но на отдельном блюде им подали гору мелких конечностей, а также грудку милых и сверкающих инструментов, на вкус Наташи похожих на гинекологические: щипцы, ланцеты, иглы разных размеров, совочки и миниатюрные ложечки, как для варенья.

— Это искусство, но доступное искусство. Никак не сложнее, чем есть палочками рис, — говорил Виктор, показательно манипулируя инструментами.

Наташа вынуждена была признать, что, хоть и бывала в китайских ресторанах, но всегда просила подать нож и вилку. Тогда Виктор попросил ее взять в руки щипцы и повторять за ним его движения. У Наташи получалось неважно...

Потом они ели барашка на вертеле. Потом еще что-то, Наташа уже не помнила, поскольку объелась. На десерт они решили перейти в бар. Расслабленная вкуснейшим обедом Наташа тут же согласилась на маргариту, и ей подали коктейль в огромном бокале, напоминающем вазочку для мороженого. Из бокала торчал неведомый бумажный цветок — на самом деле это была коктейльная трубочка.... Подобревшая и размякшая Наташа, естественно, стала говорить о своих детях. Но прежде осведомилась:

— А у вас дети есть?

— Я уже дед, — улыбнулся Виктор.

— А я еще нет.

— У вас это называется бабушка. Да, бабушка.

— Кто ваша жена?

— Моя жена умерла. Я вдовец...

Наташа было прикусила язычок, не зная, говорить ли слова сочувствия. Лишь подумала: вот отчего он так носится со мною, просто он — одинок, он очень одинок...

Она было заколебалась, проводить ли мучительный для любого мужчины показ детских фотографий, но Виктор перенес этот сеанс стоически, вежливо восхищаясь красотой Наташиных дочек. Как факир-шарлатан Наташа пропускала все снимки с Володей — сама не зная отчего. Виктор, конечно, заметил ее манипуляции, но не подал вида.

— Они у меня умные. Много умнее своей матери, куда мне до них,— несла Наташа хмельную ахинею, но Виктора, казалось, это даже трогало. Он лишь скромно

заметил, что новое поколение неизменно теснят старшие, и с этим уж ничего не поделаешь.

— Младшая, представляете, с детства была настроена... как бы это сказать... на лингвистику.

— Быть может, она станет писательницей, — поддакивал Виктор.

— Однажды, ей было лет пять или шесть, она спрашивает меня: зачем папе перочинный ножик, если у него нет перьев? — И Наташа сама рассмеялась — как ей казалось, обворожительно. — Или вот: она услышала по телевизору, как вертолеты называли винтокрылыми машинами. И спросила: почему они крылые, если крыльев у них нет?

Тут Виктор озаботился, чтобы маргарита была повторена, поскольку Наташа, не заметив, высосала предыдущую до дна..

— А старшая так и вообще говорит на каком-то неведомом мне языке. Вы вот можете мне сказать, что такое супер-пупер? Ну, супер она употребляет через слово по любому поводу. Но что такое пупер?

— Наверное, это лишь для рифмы, — предположил Виктор...

Они еще поболтали — как раз под вторую Наташину маргариту, — а потом Виктор, взглянув на часы, предложил:

— Давайте поднимемся в ваш номер.

— Зачем, — насторожилась Наташа, несколько даже протрезвев.

— Вам надо принять душ и подготовиться к празднику. Потому что сегодня я приглашаю вас на новогоднюю фиеста мексикано.

— На мексиканскую фиесту?

— Именно. С карнавалом и фейерверками...

— Ура! — захлопала в ладоши Наташа, ловя себя на том, что с Виктором она и впрямь ведет себя как глупенькая маленькая девочка. Когда в последний раз она могла себе такое позволить. Быть может, с Гошей, но как же это было давно!..

Дверь номера открылась — там горел свет. И — екнуло Наташино сердечко — на кровати лежало немислимой красоты шелковое платье: голубое с тремя вертикальными синими полосами. Как он догадался, как он мог догадаться? Она обернулась, и на глазах у нее были слезы. Но Виктора в номере уже не было.

Наташа еще не успела толком примерить платье, опасаясь — не будет ли оно узко ей в бедрах, как раздался звонок. — С Новым годом, Наташа, — сказал голос Виктора в трубке. — Я жду вас через час в холле...

Глава 26. С НОВЫМ СЧАСТЬЕМ

Они устроились сбоку полукруглого амфитеатра, где каждый ряд столиков стоял чуть выше предыдущего и был отгорожен чем-то вроде циновок так, что соседей не было видно. Хоть и было слышно. Эстрада, увитая цветочными гирляндами, тоже полукруглая, оказалась внизу, почти под ними. На столике их уже ждали закуски и шампанское в серебряном ведерке со льдом.

Больше всего Наташу поразил темп, в котором все вокруг как-то разом закрутилось. Тенями скользили официанты, но не в черном, как в ресторане, а в каких-

то национальных одеждах — быть может, это были легкие стилизованные пончо. Невидимый оркестр заиграл увертюру. Потом на эстраде оказался очень смуглый черный господин, конферансье, по-видимому, который стал что-то очень быстро говорить. Наверное, его шутки были уморительны, потому что за невидимыми соседними столиками то и дело громко смеялись мужчины и, повизгивая, вторили им женщины. Вслед за мужчиной на сцене оказался кордебалет и принялся за канкан... Наташина голова уже кружилась от ветра с моря, от запахов южной ночи, от текилы и бурной музыки. Тем более, что дамский канкан сменили молодые люди, и, глядя на то, как зажигательно и сексуально они двигаются, Наташа — к собственному удивлению — ощутила волнение очевидно плотского толка. Во время пряного выступления ансамбля гитаристов совместно с арфистами Наташа и вовсе разволновалась, махнула еще шампанского и не сразу заметила, что на ее руке лежит ладонь Виктора. Руку она убирать не стала. Потом был ксилофон, на котором играли одновременно четыре человека: маримба, шепнул Виктор, но Наташа не поняла, к чему относится это слово. И тут Наташа обомлела: под эту томную мелодию она когда-то целовалась на танцплощадке с совершенно незнакомым парнем. Это была Ла Мамба. И Наташа склонила голову на его плечо...

Странно, насколько плохо она помнила дальнейшие перипетии этой новогодней ночи, настолько чуть не до слова могла повторить то, что шептал ей на ухо Виктор. А говорил он — о России. О том, что там, в снегах и дипломатических заботах, ему очень помогла одна русская женщина. Звали ее, конечно же, тоже Наташа...

У Наташи было чувство, что ей рассказывают сказку, причем знакомую: свирепое КГБ охотится за мексиканским рыцарем плаща и кинжала по заметным улицам неприятной русской столицы; и прекрасная русская женщина, без памяти влюбленная, пренебрегая смертельной опасностью, дарит себя шпиону. Что-то среднее между «Доктором Живаго» и Ле Каре. Но эта мелодрама звучала так ностальгически в вихре мексиканского карнавала, приуроченного к тому же к новогодней ночи, что казалась упоительной. Сейчас довольно чопорная Наташа с удовольствием услышала бы какие-нибудь пикантные подробности, но сказки Виктора были и патетичны, и сентиментальны... Наконец, Наташа шепнула:

— А где же вы встречались?

— О, это было так нелегко. У меня в отеле было невозможно. И нельзя было снять гостиницу. Она принимала меня у себя... как это называется... в коммуналке... Но страсть приходилось сдерживать, хоть мы и заводили громкую музыку...

О, это все мы проходили, подумала Наташа, вспомнив давнего коммунального соседа своего мужа, тогдашнего лейтенанта, но вслух лишь восхитилась отваге своей тезки. Потом она вдруг на удивление явственно вспомнила Валерку, и обрадовалась, что встретятся они совсем скоро... Виктор говорил и еще что-то о своей снежной королеве, но Наташа уже была в забытьи...

Она проснулась в своем номере — жалюзи были сомкнуты и тихо журчал кондиционер — Наташа уже привыкла к этому постоянному мексиканскому звуку.

Она нашла себя одетой на не разобранной постели. Ее дивное новое платье было нещадно помято. И некоторое странное чувство она испытала внизу тела. Оказалось, что на ней отсутствуют трусы. С ужасом Наташа потрогала у себя между ног, но там, слава Богу, было сухо. Но он мог использовать презерватив, подумала она.

Ее охватил гнев. Конечно, вечер был на славу, но ведь дело кончилось тем, что ее изнасиловали. Такой идальго, с горечью думала она, изнасиловал женщину, которую сам же напоил до бесчувствия. Права была Женька, все мужики... Наташа не додумала эту свежую мысль, потому что в номер постучали. Она еще ничего не успела ответить, как вошел Виктор.

Она попыталась приподняться, но голова закружилась, номер чуть покачнулся, и ее едва не стошнило. Она опять откинулась на подушку, только сейчас осознав, до чего ей плохо.

— Вот, — сказал Виктор, — выпейте.

Сил на препирания у нее не было. Она с трудом приподняла голову и глотнула из длинного стакана что-то холодное и отдаленного знакомого вкуса. Струйка побежала по подбородку и капнула на шею.

— Я уезжаю сейчас же, — только и сказала Наташа и опять заснула.

Глава 27. ПОЕХАЛИ

Наташа продремала и всю дорогу до материка, — Виктор эвакуировал ее морем, — тем более, что паром

покачивало. У стоянки автомобилей в Макдональдсе Виктор пытался накормить ее хоть чизбургером, но она с отвращением отказалась, хоть и согласилась беспринципно выпить в соседнем баре ставшую неременной маргариту. Наташа презирала себя, но еще больше презирала его, лошеного придурка — а еще шпион. Поэтому за все это время они не перемолвились ни словом. Потом Наташа опять закемарилась.

Очнулась она только, когда машина замедлила плавный ход, преодолевая горный подъем, и завиляла по серпантину. Наташа повертела головой — шея затекла — и была поражена красотой, стоявшей вокруг. Дорога петляла между нависающих скал, но иногда справа открывался вид на долину, где по склонам стояли золотого цвета сосны. Наташа хотела было спросить, где они находятся и куда едут, но во время спохватилась, что она с ним не разговаривает.

И тут заговорил он.

— Сеньора не хочет узнать, отчего на ней ночью... как это сказать по-русски... де-ли-кат-но ... убыло ниже нее белье?

Наташа покраснела и ответила:

— Не хочет. Говорите.

— Синьора собиралась нырнуть в бассейн в холле отеля и решила переменить свой бальный костюм на купальный.

Он врет, решила Наташа, но все равно ей стало невероятно стыдно. А что, если это действительно было так? И ей захотелось его убить. А это, говорила же Солвейг, в Мексике стоит совсем недорого.

— Несколько молодых американцев там уже плавали, и синьора, надо думать, хотела присоединиться...

Боже, я снимала трусы в холле? После этой мысли Наташа уже не сомневалась, что убить Виктора необходимо. Хотя у нее и мелькнула справедливая мысль, что в такой ситуации спутнику женщины бывает за подобное ее поведение, мягко сказать, неловко. Ну и пусть, все равно, подумала Наташа. И захотела еще текилы. Ей не пришло в голову, что подсознательно она всегда мечтала повторить хоть один из восхитительных подвигов Витьки Шипицына, на что ее жизнь никогда не оставляла ей ни единого шанса...

— И что вы хотите этим сказать?

— Я всего лишь подумал, что вам это будет интересно. И внести некоторую ясность... как это, избежать двусмысленность. Впрочем, я вас не виню, вы — женщина, обычно пьющая мало...

Он бы еще меня винил — сам же и напоил до скотского состояния, скотина такая; убить — мало. Но Наташа вслух ничего не сказала, не обратив, впрочем, внимания на тавтологию. И вдруг поняла, что мотор слышен тише и тише, а потом будто и вовсе выключился. Они ехали по краю какой-то цветущей долины у почти отвесных гор; внизу текла бурная горная речка, прыгающая, сверкая, по валунам, но и ее слышно не было. Наташа хотела сказать, что так быть не могло, у нее нет привычки купаться в фонтанах, тем более без трусов — и попыталась сделать это. Но не услышала своего голоса. Она погрузилась в полную тишину. Ну вот, я оглохла от их текилы, сказала себе Наташа, но, может быть, это еще пройдет... может быть, это временный симптом, с

похмелья... и потом Валерка ведь врач...Она подумала об этом и поймала себя на том, что за время ее путешествия уже привыкла думать о Валерке так, будто он был рядом. И, быть может, был рядом всегда. Впрочем, хоть она и была очень огорчена, мысль о том, как гинеколог будет лечить ее уши, чуть развеселила ее. И еще она подумала, что в такой тишине выстрела бы никто не услышал. Впрочем, у нее ведь не было пистолета. Забыла дома, как наверняка сострил бы Валерка.

Долина расступалась, и звук мотора постепенно возвращался. Они еще немного поднялись вверх и свернули на вполне горизонтальную поверхность. Но было странное чувство, что она — в самолете: у нее заложило уши. Она поковыряла в них детским жестом, как после купания.

— Мексиканское нагорье,— сказал Виктор,— три тысячи метров над уровнем моря. Скоро мы выедем на трассу сто два.

— И что? — глупо поинтересовалась Наташа.

— Эта трасса ведет на север, — скупо ответил Виктор. — Прямо на Лос-Мочис.

По трассе они ехали долго, пока не приехали в неприглядный городок. Виктор свернул на эстакаду, проскочили мост, потом скользнули под другой и оказались на площади перед низким зданием, над которым развевался флаг. Но не тот — с орлом и змеей, а другой, тоже трехцветный, но на среднем голубом поле — целая картина в прихотливой желтой рамке с красными загибами: тут тебе и горы, и головы, что ли, собак или быков, и какие-то зеленые растения, похожие на стручки — хорошо было не разглядеть.

Виктор аккуратно поставил машину на разливочное место для парковки, сказал:

— Подожди здесь.

И исчез. Он долго не возвращался, и Наташа соскучилась, потому что смотреть на площади после fiestas мексикано было ровным счетом не на что: то пройдет какой-то индеец в сомбреро, то ветер хлопнет флагом на флагштоке.

Наконец, Виктор вернулся.

— Здесь, на вокзале, есть туалет и бар,— сказал он. — Я купил твой билет до Чихуахуа. — Кажется, он сегодня стал хуже говорить по-русски. — Поезд примерно через полчаса. Но это необязательно, — загадочно прибавил он.

— Что значит — необязательно? — не без вызова спросила Наташа.

— В Мексике поезда редко ходят по расписанию. Ты не потеряла карту? Помни, в Чихуахуа тебе надо пересесть на местный автобус... В поезде тоже комфорта немного. Как говорят у вас в Европе — плацкарт.

— Нет, карту я не потеряла, — сказала Наташа, которой стало страшно. Ведь индейцы тараумара не говорят по-английски. Она жалобно посмотрела на Виктора, которого только что намеревалась убить. У меня осталось времени выпить последний глоток текилы, вспомнила она — надо было надеяться — не к месту.

— Я дальше ехать не могу, — мягко сказал Виктор, наверное, поймав ее жалобный взгляд.. — Как бы это сказать — у меня на севере нет друзей. И много врагов...

Ага, значит, он шпионил и на наших, сообразила сообразительная Наташа, и за это ЦРУ его не любит. Но, это, конечно, она — вместе с дочками и мужем — насмотрелась разных шпионских видео. Ей действительно захотелось в туалет.

— Я пойду, переоденусь в шорты. Жара несусветная,— сказала Наташа.

— Этого я не советовал бы тебе делать, — сказал Виктор серьезно.

Но Наташа своенравно дернула плечом и удалилась, взяв с собой и сумку, и чемодан.

В туалете ужасающе воняло. Над единственным железным отверстием, очком, называл это Валерка, сидела на корточках средних лет индианка с задранной чуть не до головы юбкой — край подола она придерживала подбородком. Быть может, у нее был понос. Она посмотрела на Наташу жалобно, будто извиняясь. Ни о каких шортах и речи быть не могло... Когда Наташа снова вышла на площадь, Виктора нигде не было. Как и его автомобиля.

Глава 28. НЕУЖЕЛИ САМА

Наташа беспризорно побродила по вокзалу, пока не нашла табло. Нужный поезд действительно в нем значился: Чиуауа. Почти так зовут китайскую лохматую собаку с лиловым небом, если вставить пару х — когда-то такая была у одного из Алкиных женихов... Здесь же был и сувернирный киоск. От страха и досады неизвестно на кого Наташа купила в нем красную ленту с уз-

кими тесемочками на концах. И повязала ее на свою русую голову, почувствовала себя увереннее, но еще не вполне мексиканкой. И отправилась на поиски своего перрона.

Это, как выяснилось, тоже было не так сложно: перронов на этом вокзале было только два. Когда она оказалась на нужном, пустой поезд как раз подкатил задом — его с головы подпихивал тучно дымящий паровоз. Поскрипев и подергавшись, поезд остановился.

Наташа вошла в вагон, но номера места в ее билете указано не было. Она села, как пришлось, в среднем купе, не отделенном, как и в сортире, дверями от коридора. Села к окну, лицом по ходу. Она поставила свой небольшой чемодан на лавку к стенке, чтобы опираться на него локтем — предосторожность, чтоб не сперли, в ней заговорило крестьянское, от бабушки Стужиной, — а сумку решила держать на коленях. Если появятся симпатичные соседи, подумала она, то на каком языке я с ними смогу заговорить?

Но никаких соседей до самой отправки так и не появилось, хотя по коридору то и дело ходили какие-то люди, гортанно перекрикиваясь, — Наташе они напоминали цыган, что шастают по подмосковным электричкам. Но ничего купить ей не предложили. Впрочем, Наташа боялась оборачиваться, хотя, конечно, ей было очень любопытно. Она опасалась встретиться с этими мексиканскими цыганами глазами, как будто ехала незаконно. Некоторое ощущение своей преступности не оставляло ее, и тот факт, что в сумочке у нее лежало официальное разрешение, никак не успокаивало. Недолгое пребывание в этой стране породило у нее ощу-

щение, что порядки здесь напоминают российские. Только люди значительно вежливее. И если местные милиционеры — должно быть, они зовутся полицейские — ее спросят в лоб, куда, а главное, зачем она едет, она не найдет, что ответить. К мужу? Но ведь только она одна знает, кто действительно на этом свете — на этом том свете, отметила Наташа, — есть ее настоящий муж.

Поезд дернулся, набрал ход, довольно прытко выбрался из грязных пригородов, больше похожих на деревню, завешанную сушащимся разноцветным тряпьем — Наташа не уставала дивиться этой мексиканской частной чистоплотности при том, что вокруг, в общественном пространстве, все было так грязно, — и покатило было кукурузным полем. Но тут же застучал по мосту над довольно глубоким оврагом, — каньоном, наверное, надо было привыкнуть говорить, — а там унырнул в черный туннель, и над окном включилась настолько тусклая лампочка, что при ней не только читать, но и разглядеть лица попутчика было бы нельзя. Разве что заниматься любовью, ни к селу ни к городу подумала Наташа. И, как всякая женщина, мыслящая в этом отношении много конкретнее, чем всякий мужчина, подумала но с кем же?

Когда поезд, наконец, снова вышел на свет божий, Наташу отвлекли виды. Поезд опять шел как бы по горе, а внизу теперь были видны буйно разросшиеся леса лиственного свойства. И Наташа подумала, что чем-то они напоминают уральские — своим буйством и дикостью, — интересно, растет ли в них на солнечных полянках земляника... И тут Наташа безусловно снова заснула

бы, разжала руки и неизвестно — осталась бы она при сумочке, но в дверях началась какая-то толкотня. И в купе вошла старуха-индианка, толкая перед собой небольшую козу.

Коза, по-видимому, была совсем молоденькая и симпатичная, она умильно двигала розовыми губками и смотрела умными черными глазами из под белых бровей. Наташа вежливо улыбнулась сначала козе, потом старухе и поняла, что опять засыпает. Она успела подумать, что старуха с козой не украдет у нее ничего, сунула сумку под бок и все-таки заснула.

Глава 29. ДРУГОЙ ВИД ТРАНСПОРТА

Перед отправкой автобуса, который должен был везти Наташу из старинного города Чиуауа дальше на север, она отказалась сдавать в багажное отделение, которое помещалось в боку под грязной откидывающейся крышкой, свой чемодан. Водитель лишь покачал головой и ухмыльнулся. Но возражать не стал. Зато Наташа показала ему свою заветную бумажку и он кивнул головой, сделал жест: мол, проходите. Дело в том, что Наташа страшно боялась сесть не в тот автобус, но попала как ни странно в тот.

Внутри автобуса Наташа хотела было втиснуть чемодан под ноги, но кресла стояли слишком тесно. Тогда она пересела на заднее сидение, а чемодан поставила к стенке, на пол.

Она была так возбуждена приближением к цели, что почти не смотрела на город. Заметила лишь, что этот — даже более американский, чем все виденное, все вывески здесь были по-английски, вот что значит приближение к северной границе. За площадью, где высился непременный, как кактус, собор с голубями, автобус, поплутав, пробился сквозь бесконечные заводские кварталы с прямыми дымящими трубами, и выехал, наконец, на шоссе.

В салоне было грязно и страшно душно — кажется, никаких кондиционеров здесь не было предусмотрено. Коз никто не вез, но судя по лицам и одежде, ехали в автобусе крестьяне, может быть — пастухи, потому что в автобусе слегка пахло хлебом. Кое-кто из пассажиров достал какую-то снедь, но едва у одного в руках оказалась бутылка, как шофер, видно заметив ее в зеркало, что-то громко крикнул, и бутылка исчезла.

Наташа испытывала волнение, как перед экзаменом, как перед долгожданным свиданием, волнения, которого она так давно не испытывала — разве что перед защитой. Но в том-то и дело, что тогда в ее руках было защищаться, а сейчас она доверилась судьбе... И еще, — она чувствовала это сама, и всячески корила себя — она испытывала сомнения. Она за последние дни так уверилась в правильности своей авантюры, но теперь говорила себе куда, зачем, зачем... Сейчас, в этом вонючем автобусе Наташа отчего-то уверилась, что и здесь Валерку не найдет, как не нашла его в Мехико. И уже уговаривала себя: ну, ничего, ничего, надо только убедиться, а деньги ведь есть, и есть в Москву обратный билет... Она уже представляла, как, сидя на уютной кух-

не Алки, она будет, потягивать мартини — Алка пила только мартини с кампари и соком,— и рассказывать о своих невероятных приключениях. Нет, не о том, конечно, что не нашла никакого Валерки — Алка не знала о цели ее поездки, и никто не знал и не узнает, только Солвейг, но это не в счет,— а о головокружительном приключении на карибском острове, и о фиесте мексикана...

Автобус затормозил. Потому что слева остановился встречный автобус, точно такой же. Наташе хорошо было видно, как из чужого автобуса вышел точно такой, как их, водитель, и тут же появился и Наташин. Они перекинулись парой слов, расстегнули ширинки и, стоя плечо к плечу, помочились на обочину. Потом стукнули друг друга по плечу и громко крикнули адъес, амиго, и каждый поехал своей дорогой. И Наташа подивилась такой традиции, решила, что и об этом расскажет Алке, поделится своими этнографическими наблюдениями...

Ехали уже около двух часов, а Наташу никто не окликал. Люди выходили и входили, причем никаких обязательных остановок не было, как у московского маршрутного такси. На Наташу шофер не обращал никакого внимания. Она совсем уж было собралась напомнить о себе, как автобус остановился, открылась задняя дверь и шофер показал ей знаками: мол, приехали. Наташа засуетилась, подхватила, стала искать свой чемодан, но никакого чемодана там, где она его устроила, не было. И вообще нигде его не было. Наташа дернулась вперед, заглянула под соседние сидения, но тут водитель нетерпеливо загудел. Да, чемодан исчез. Ошарашенная, еще не вполне понимая, что произошло, Ната-

ша, прижимая к груди сумочку, вышла на дорогу. И вскоре осталась одна среди кактусов и желтых полей.

Глава 29. НЕУЖЕЛИ ПЕШОЧКОМ

Вот тут-то Наташа и решила больше ничего не бояться. Будь что будет. Терять без чемодана ей было больше нечего. Ведь в чемодане было ее новогоднее платье, в котором она хотела предстать перед Валеркой, используя на манер свадебного наряда. И нужды нет, что подарил это платье другой. Какое это имеет значение. Как говорит ее старшая дочь отцу, пеняющему ей за мотовство, кого волнует чужое горе. Наташа как-то не подумала, что у нее, помимо пропавшего чемодана и сохранившейся сумочки с деньгами, паспортом и билетом на самолет, остаются еще неуязвимая девичья красота, русая головка, неплохое белое тело и самая жизнь. А тараумара не говорят по-английски...

Сверившись с картой, Наташа смело пошла мимо стены кактусов вперед по разбитой, источенной дождями сухой глинистой дороге. Так бесстрашно по этой земле некогда ходили конкистадоры, опять думалось ей. При том, что она весь туманно представляла себе историю завоевания Мексики.

Наташа шла и размышляла о том, что так она впервые в жизни встречала Новый год — на другой половине Земли, вверх ногами. И наверное это никогда уж не повторится... Она попыталась вспомнить, была ли в ее жизни хоть еще одна столь необычная встреча Нового года, и по всему выходило, что была только однажды

— тогда, на даче с Валеркой, когда она стала женщиной. Тоже вверх ногами, подумала Наташа саркастически. И если теперь добраться до него под Новый год не получилось, то во всяком случае она была совсем близко, в его стране. И уж на Рождество они будут вместе непременно. И Наташа прикинула, что до православного Рождества осталось еще дня четыре. Дойду же я до него за эти четыре дня... Так недавнее ее малодушие вдруг сменилось на столь же необоснованную решимость.

Внезапно подул прохладный ветер — как-то сразу, одним порывом. Тут же небо стало темнеть. Дело, действительно, шло к вечеру. Чтобы развлечь себя, Наташа стала прикидывать, сколько ей предстоит пройти. По рукодельной карте Солвейг этого было никак не определить — масштаб там указан не был. По-видимому, прежде всего нужно попасть в какую-то деревню, — она значилась в Валеркином адресе, — а там спросить, где живет синьор Адамски...

Теперь дорога шла вдоль русла высохшей реки, — на другом, более низком берегу, стояли деревья. За спиной слышалось какое-то тихое дребезжанье, испуганная узкая блестящая зеленая ящерица мелькнула у Наташи между ног и скрылась в расщелине на обочине, Наташа обернулась. По дороге очень медленно, чуть не со скоростью ее шагов, приближался мул. Наташа не сразу поняла, что мул запряжен в телегу, а в телеге сидит возница. Она остановилась, решив пропустить гужевой транспорт. Отступила на обочину.

Мул поравнялся с ней и остановился. Он лениво посмотрел на Наташу черным выпуклым глазом с крас-

ным белком и снова принялся отмахиваться от мух измочаленным, в навозе, хвостом. На повозке на груди соломы сидел индеец — совсем без перьев, но в каких-то лохматых обносках, которые, наверное, когда-то были пестрым пончо,— и курил короткую трубку. Лицо у него было вполне индейское, то есть коричневого цвета, а вовсе не красное, как было ошибочно написано в далеком Наташином детстве у Фенимора Купера.

— Хай, — сказала Наташа, — хау ар ю.

Индеец вынул трубку или рта. У него был несколько потусторонний взгляд. Он сказал, помолчав:

— Ку томас, гринго?

Наташа виновато пожала плечами.

Индеец вынул из соломы бутылку с мутной жидкостью, зубами ловко вытянул пробку и протянул бутылку Наташе. Несомненно, это была текила. Наташа, перехватив сумочку под мышку, приблизилась к повозке, взяла бутылку и сделала из горлышка глоток. Не в пример той, что пила Наташа до сих пор, эта оказалась на редкость вонючей. Конкурировать с ней могла только та, из окраинного бара. Наташа задохнулась. Но мужественно виду не подала, а только помахала свободной ладонью у рта. И вернула бутылку.

— Салуд, — сказал индеец и тоже приложился.

Он заткнул пробку и подвинулся, предлагая Наташе сесть. Но не подал руки. Наташа запрыгнула в повозку, находчиво сообразив, что скорее всего в этой стране индейцам не велено прикасаться к белым женщинам. Ну, без особой нужды...

Не проехали они и ста метров, как со стороны реки, с того берега, где были деревья, послышался вы-

стрел. Потом еще один. Наташа узнала, что стреляют из охотничьей двустволки — отцовские еще уроки. Она вздрогнула, но не от испуга, конечно, а от неожиданного чувства узнавания.

— Доктор, — сказал индеец, а мул и ухом не повел. Никто не заметил Наташиного полуобморока: индеец вновь курил трубку, а мул мерно плелся вперед.

По дороге еще дважды прикладывались к бутылке, индеец — по алкоголической привычке, Наташа от последнего волнения. Показалась впереди деревня... Так, верхом на муле и немножко навеселе Наташа достигла цели.

Глава 31. НЕУЖЕЛИ МУЖ

Индеец, ни о чем Наташу не спрашивая, ехал по деревенской улице. Индейцы жили, вопреки Наташиным представлениям, вовсе не в вигвамах, а в хижинах, крытых тростником. Некоторые дома были на сваях. В пыли копошились коричневые дети, а перед каждым домом сидел мужчина и курил трубку. И почти перед каждым стояла бутылка. Ни одной женщины, как всегда в этой стране, видно не было. И, как обычно, было видно, что на задах сушится разноцветное тряпье.

Они ехали по улице, и жители следили за ними бесстрастно. Деревня оказалась довольно большая, и улица была длинной, будто испытывала Наташино терпение. Наконец, по некоторым признакам, жизнь стала иссякать, между хижинами образовывались все более широкие пустыри, и мул остановился.

— Доктор, — показал индеец рукой с зажатой в кулаке трубкой.

Он показал на точно такую, как и все остальные, деревянную хижину, вот только сбоку была раскинута широкая брезентовая палатка с марлевыми окнами, а на флагштоке рядом болтался белый флаг с коряво нарисованным не нем красным крестом.

Наташа соскочила на землю, мул тут же тронулся, и Наташа не успела поблагодарить возницу. Впрочем, она тут же о нем забыла. Она, по сложившейся у нее в Мексике привычке прижимая к груди сумку, пошла к хижине, не слишком твердо ступая. На пороге стояла очень красивая индианка лет тридцати. Она была одета в скромное европейское не приталенное платье, а ее блестящие черные волосы были гладко зачесаны и схвачены серебристым обручем. Непроизвольно Наташа провела рукой по волосам — на месте ли ее красивая красная мексиканская ленточка.

— Да,— подумала Наташа, ступая все медленнее, — она очень красива... Очень красива...

И тут индианка улыбнулась.

— По-жья-луйста, Наташья, — сказала она. — Велкам.

Наташа пошатнулась и, быть может, упала бы, коли та ее не подхватила бы...

Наверное, минуту она была без сознания, потому что не помнила, как оказалась в доме в неустойчивом кресле-качалке — кресле-кончалке, вспомнила Наташа и улыбнулась.

Было полутемно — свет шел лишь от небольшой керосиновой лампы. Индианка сидела напротив за сто-

лом и вовсе на Наташу не смотрела. Она что-то писала, и Наташа увидела на правой ее руке серебряное украшение: четыре колечка, цепочками прикрепленных к браслету. Точно такое было на руке у Солвейг. И Наташе показалось, что есть какая-то связь, как бы одна линия: свердловская цыганка, Солвейг и эта красивая индианка...

Хозяйка подняла глаза и улыбнулась. У нее были замечательные зубы — белые и крупные.

— Валерий вайт ю. Сей-чиас он пиф-паф. — И она смешно показала, как Валерка стреляет из ружья.

Наташа подумала, что это первый мексиканский дом, в котором ей не предложили текилы, но тут дверь отворилась и на пороге предстала фигура. Это был несомненно Валерка, но совсем другой. Он стал еще суше и поджарее, но от него исходила физически ощутимая сила. Он был в пончо, на голове красная бандана, за спиной ружье, с толстого кожаного ремня свисали две окровавленные птицы.

— Это утки?— спросила себя Наташа, опасаясь опять потерять сознание.

Индианка подошла к мужу, помогла ему освободиться от ружья и патронташа, взяла мертвых птиц.

— Здравствуй, — сказал Валерка, — как добралась? Мы тебя ждали.

Только не плакать, попросила сама себя Наташа и ответила:

— В Москве все хорошо.

— Москва, Москва... — Валерка присел на лавку у двери и стал снимать сапоги. — Это где-то в Европе. Где-то не доезжая Уральских гор...

Вот и исполнилось, думала Наташа, внутренне плача, все исполнилось, как должно было быть, как говорила Солвейг, и я пришла домой. А что до того, что меня встретили так просто, так ведь мы и не расставались... Кажется, после всего перенесенного, Наташа была не совсем в себе.

— Да, ты приехала вовремя, — говорил между тем Валерка. — Еще несколько дней — и ты могла бы нас здесь не застать. Мы были бы уже там, за Рио-Браводель-Норто... Кстати, вы тут без меня познакомились?

Нет, он очень изменился, не внешне, нет, думала Наташа, его слушая, он стал другой, но все равно — тот же...

— Натя-ша, — представилась индианка и протянула Наташе руку в серебряных украшениях.

Глава 32. ВТОРАЯ ЖЕНА

Пошел уже третий день, как Наташа жила в Валеркином доме. И в первую же ночь индианка уступила ей свое место в постели, и, как ни устала Наташа, это была ночь радости.

Наташа решила ничему не удивляться. В конце концов, она приложила столько сил, чтобы оказаться в этой самой Мексике вниз головой, на другой стороне Земли, и было бы очень глупо и невежливо ждать, чтобы здесь все было, как на той.

В доме не пили текилы, не пили чая и кофе. И вскоре разъяснилось — почему. По вечерам после ужина все трое садились вокруг стола, Валерка надевал оч-

ки и при свете керосиновой лампы читал однотонным голосом:

«Ибо вот, если человек злого характера приносит зло, он делает это неохотно; а потому это вменяется ему так, как если бы он удержал свой дар; а потому у Бога он считается злым человеком... А потому злой человек не может творить добро, также как и не принесет он доброго дара»...

Это и ежику понятно, как говорит моя младшая, думала Наташа, и ей было хорошо, только отчего так витиевато.

«Ибо вот, горький источник не может приносить хорошей воды; так же, как и не может хороший источник давать горькой воды; а потому человек, будучи слугой дьявола, не может быть последователем Христа; но если он следует Христу, то не может быть слугой дьявола»...

Ясное дело — не может, думала Наташа, украдкой подглядывая за Наташей-второй, которую, как выяснилось, на деле звали Люсия, но Валерка посвятил ее в наташи, как он объяснил. Люсия слушала, держа спину очень прямо, и огонек лампы иногда прыгал в ее черных глазах. Наташу удивляло ее напряженное внимание, поскольку по-русски Люсия не понимала, и Наташа предположила, что та просто слушает музыку Валеркиного голоса, пока не поняла однажды, что Люсия умеет спать с широко открытыми глазами и держась при этом прямо, как лошадь.

«И потому будьте осторожны, возлюбленные братья мои, чтобы вам не судить как зло то, что от Бога, или как добро от Бога то, что от дьявола»...

Возлюбленные братья слушали изо всех сил, хоть Наташа и удивлялась про себя, понимая, что кощунствует, что это за галиматья. Люсии было проще. Наконец, однажды, Наташа не утерпела и спросила:

— Валерочка, это что, из Библии?

Валерка снял очки, устало потер переносицу, вздохнул и сказал:

— Нет, Наташка, Мороний?

— Кто-кто?

— Мороний. Ангел Мороний. Он послал мормонам их Книгу. И мы должны ее знать, если хотим быть мормонами.

— А мы хотим? — поинтересовалась Наташа с деланным простодушием.

— Нас никто не спрашивает, Наталья. Запомни, тебе было откровение...

— Мне? Ах, да, конечно было.

— Вот. И мне было, и ей,— показал он на спящую с закрытыми глазами Люсию. А мормонами нам нужно стать потому, что там, в Солт-Лейк-Сити братьям по вере много легче получить грин-кард. И потом, нам с Люськой помогут подтвердить наши дипломы, К тому же — у них разрешено двоеженство. ... — Он подмигнул Наташе, сделал паузу и потом спросил:

— Ты с нами?

И Наташа, в глубине души уже будучи готовой к такому повороту дела, просто ответила:

— Да.

...Через несколько дней темной ночью мексиканские контрабандисты за небольшие деньги в долларах переправили всех троих на другой берег Рио-Гранде.

Эпилог

Проект Указа не прошел в Думе во втором чтении и принят не был. Но Наташа, скорее всего, об этом никогда не узнала. Впрочем, ей это было бы уже все равно.

ⁱ впервые опубликовано «Октябрь», 2004, №11